

А.В. Шапошникова

Земной маршрут космической эволюции

Встречаясь со скучною рутинною ежедневности, встречая трудности и грубость и обременительные заботы в Азии, вы не должны сомневаться, что в самую обычную минуту у двери вашей уже готов постучаться кто-то с самую великою вестью. Два потока жизни особенно различимы в Азии, и потому пусть лик обыденности не разочаровывает вас. Легко вы можете быть вознаграждены зовом великой правды, который увлечет вас навсегда.

* * *

...Помимо историков пишется другая история мира.

Н.К. Рерих

В XX веке по времени и пространству планеты Земля прошел Караван. Он принадлежал Центрально-Азиатской экспедиции, которую возглавлял один из крупнейших деятелей века, великий художник, выдающийся ученый и мыслитель Николай Константинович Рерих. Кроме него и других членов экспедиции в Караване находились Елена Ивановна Рерих, жена Николая Константиновича и известный философ, и Юрий Николаевич Рерих, их сын, молодой ученый-востоковед. Караван совершил по планете странный и загадочный круг, начавшийся в 1924 году в Сиккиме и там же закончившийся в 1928 году. В этот круг вошли: Индия, Китайский Синьцзян, советская Средняя Азия, Сибирь, Алтай, Монголия, Тибет. Казалось, что сама экспедиция почти ничем не отличалась от предыдущих экспедиций, прошедших по Центральной Азии. Так же, как и в них, члены экспедиции носили на карту неизвестные науке перевалы

и вершины Гималаев, изучали памятники культуры и истории, собирали коллекции образцов флоры и фауны, записывали фольклорные находки. Но в экспедиции было и то, что отличало ее от других подобных ей маршрутов. Ни одна экспедиция в истории человечества не дала жизнь такому количеству первоклассных художественных полотен, как Центрально-Азиатская экспедиция Н.К. Рериха. Часть этих полотен, исключая зарисовки самого маршрута, свидетельствовала о каких-то тайных целях, которые выполнялись в экспедиционном караване. Но прежде чем заняться анализом этих целей, которые и составляли главную суть в творчестве самой экспедиции, необходимо сделать небольшое отступление, которое с первого взгляда может показаться не имеющим отношения к Каравану.

Именно к XX веку наиболее отчетливо в пространстве Знания сложились два направления познания – научное и вненаучное, или метанауч-

ное. Первое лежало в области эмпирической науки, главный метод познания которой заключался в эксперименте. Наука изучала в основном материю трехмерного физического мира. О том, что существуют более высокие измерения и иные состояния материи, эмпирическая наука могла только догадываться. Однако эти догадки, не подтвержденные экспериментом, не имели научной ценности. Метанаука шла иными путями и в получении самого знания, и в поиске его источников. Со времен глубокой древности в истории человечества существовал метод познания через духовное пространство человека. Значительная часть знаний была добыта именно таким путем. Эти знания шли из пространства высокого состояния космической материи. Они проявились через интуицию, озарения, сны, видения и, наконец, через таинственный процесс, который можно назвать свидетельством. В таком свидетельстве заключалась непосредственная связь с личностями, стоявшими на более высокой, чем человечество, ступени космической эволюции.

XX век оказался свидетелем этого удивительного процесса. И Елена Ивановна, и Николай Константинович Рерихи реализовали метод свидетельства, выйдя на связь с Учителем, Космическим Иерархом. Это была не только связь, но и теснейшее духовное сотрудничество, результатом которого явилось создание Живой Этики – философии Космической реальности. Именно в этой философии были синтезированы наука и метанаука, именно в ней содержалась новая система познания, так необходимая для формирующегося на планете нового космического мышления. Живая Этика была не только результатом земного творчества космической эволюции, но и энергетическим импульсом для продвижения планеты Земля на следующий, более высокий уровень самой космической эволюции. Среди законов последней, которые мы находим в философии Живой Этики, есть два, в первую очередь могущие быть использованными для выяснения проблематики, связанной с метанаукой. Один из них гласит, что каждое явление на Земле имеет

две стороны, – земную и небесную. Другой, – что низшее по ступеням космической эволюции ведет только Высшее.

Беря явление науки в целом, мы наблюдаем и эмпирическую ее сторону, и метанаучную, связанную с «небом», или высокой космической материей. Любая область науки имеет эти две стороны. И если есть история и исторический процесс, то есть и метаистория и метаисторический процесс. Надо сказать при этом, что причина исторического процесса лежит в метаисторическом процессе, в знании более высоком, чем земное.

И еще один момент. Любой метаисторический импульс, который высокая космическая материя посылает на Землю, идет через конкретного человека или конкретных людей. Именно через них, вестников космической эволюции, последняя осуществляет свое творчество на планете Земля.

Уровень духовного развития и степень знания такого вестника много выше уровня жителя планеты. Таковыми были и Елена Ивановна, и Николай Константинович Рерихи. В статье будут рассмотрены в основном деятельность и творчество Николая Константиновича, поскольку речь идет о метаистории, важнейшей части исторического земного процесса.

Рерих был одним из первых среди историков своего времени, кто сочетал в своем творчестве историю и метаисторию. Его историческая одаренность была уникальной, богатой и разносторонней. Все это, вместе взятое, представляло собой объемную картину восприятия истории и исторического мышления, где дух и материя взаимодействовали между собой в великой гармонии. Метаисторическая часть его одаренности не включала в себя один какой-то метод. В духовном пространстве его внутреннего мира действовало и творило все богатство метаисторических методов, таких как высокий уровень сознания, глубокая интуиция, сны прошлого, озарения, видения, а позже свидетельства. И все это проникалось его художественной одаренностью, которая как бы оживляла историческую информацию, делала ее образной и реальной.

Монастырь Чату в долине реки Цангпо. Тибет. Апрель 1928 г.

Караван экспедиции. Монгольская Гоби. 1927

Увлечение Рериха историей началось с археологии еще в раннем возрасте, затем интерес перешел уже в профессиональное занятие. Он исследовал каменный век, начал копать Новгород и Псков. Диапазон его археологических работ был широк и во времени, и в пространстве. Археология приносила ему не только историческую информацию, но и метаисторическую. В отличие от других археологов он ее видел. Позже крупнейший наш археолог академик А.П. Окладников, человек глубокой научной интуиции, ощутит в работах Рериха эту метаисторичность и назовет ее «историческими грезами».

«Шемяще приятное чувство, – писал Рерих, – первым вынуть из земли какую-либо древность, непосредственно сообщить с эпохой, давно прошедшей. Колышется седой вековой туман, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридцатое царство, шире и богаче разворачиваются чудесные картины. <...> Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти бесконечная жизнь!»¹ Здесь описан довольно точно метаисторический процесс получения знания о прошлом в результате соприкосновения тонкой энергетики духовно развитого человека с энергетикой прошлого, запечатленной на предметах. «Колышется седой вековой туман». Сказано образно и точно.

Также образно и точно Рерих описывал встающие в его видениях картины прошлого. Его литературный талант был так же ярок, как и художественный. Описание Николаем Константиновичем погребальной церемонии древних славян убеждает в том, что автор не домысливает что-то, а сам воочию видит все происходящее. Эффект присутствия безусловен и ясен. «На суходоле маячат курганы; некоторые насыпи поросли уже зеленью, а есть и свежие, ровные, со стараньем обделанные. К ним потянулась по полю вереница людей. У мужчин зверовые шапки, рубахи, толстые шерстяные кафтаны, по борту унизанные хитрым узором кольчужным, быть может, ватмалом. На ногах лапти, а не то шкура, вроде поршней. Пояса медные, наборные; на поясе все хозяйство – гребешок, оселок, огниво и ножик. Нож не простой – завозной работы; ручка медная, литая; кожаные ножны тоже обделаны медью с рытым узором. А другой, ничего что мирное время, и меч нацепил, выменянный от полунощных гостей. На вороту рубахи медная пряжка. Пола кафтана также на пряжке держится, на левом плече; кто же побогаче, так и пуговицы пряжкой прихватит. На предплечье изредка блестит витой медный браслет. На пальцах перстни разные, есть очень странного вида, с огромным щитком, во весь сустав пальца. Заросли загорелые лица жесткими волосами, такими волосами, что 7–8 веков пролежать им в земле ни почем. А зубы-то, зубы крепкие, ровные.

На носилках посажен покойник, в лучшем наряде; тело подперто тесинами. В такт мерному шагу степенно кивает его суровая голова и вздрагивают сложенные руки. Вслед за телом несут и везут плахи для костра, для тризны козленка и прочую всякую живность. Женщины жалостно воют. Почтить умершего – разоделись они; много чего на себя повешали. На головах кокошником, венички серебряные с бляшками, не то меховые, кожаные кики, каптури, с нашитыми по бокам огромными височными кольцами; это не серьги, – таким обручем и уши прорвешь. Гривны на шее; иная щеголиха не то что одну либо две-три гривны зараз оденет: и витые, и пластинные, медные и серебряные. На ожерельях бус хоть и немного числом, но сортов их немало: медные глазчатые, сердоликовые, стеклянные бусы разных цветов: синяя, зеленая, лиловая и желтая; янтарные, хрустальные, медные пронизки всяких сортов и манеров – и не перечесть все веденецкие изделия. Еще есть красивые подвески для ожерелий – лунницы рогатые и завозные крестики из Царь града и от заката. На груди и в поясу много всяких привесок и бляшек: вместо бляшек видны и монеты: восточные или времен Канута Великого, епископа Бруно. Подвески-собачки, знакомые чуди, ливам и курам; кошки – страшные, с разинутой пастью, излюбленные уточки, ведомые многим русским славянам. У девок ниже пояса на ремешках спускаются эти замыслова-

¹ Рерих Н.К. Собрание сочинений. Кн. 1. М., 1914. С. 14, 24.

Н.К. Рерих. Владыки нездешние. 1907

тые знаки, звенят и гремят на ходу привешенными колокольчиками и бубенчиками; священный значок хранит девку. На руках по одному, по два разных браслета, и узкие, и витые, и широкие, с затейливым узором. Подолы рубах, а может быть и ворот, обшиты позументиком или украшены вышивкой. У некоторых женщин накинута кафтанчик, на манер шушуна, но покороче.

Опустили носилки. Выбрано ровное местечко, убито, углажено, выложено сухими плетками. Посредине его посажен покойник; голова бесильно ушла в плечи, руки сложены на ноги. Сбоку копьё и горшок с кашей. Смолистые плахи все выше и выше обхватывают мертвеца, их заправляют прутняком и берестой – костер выходит на славу. Есть где разгуляться огню! Зазмеился он мелкими струйками, повеяло дымом. Будто блеснуло из полузакрытых век, в последний раз осветилось строгое, потемневшее лицо... Вдруг щелкнуло. Охнул костер, столбом взлетели искры, потянулись клубы бурого дыма»².

В одном из очерков Рерих так же подробно и образно описывает картину «Заморские гости». Когда смотришь на эту картину, где по широкой глади реки плывет корабль викингов, создается полное впечатление, что писалась она с натуры. По всей видимости, так это и было. Через историю искусства проходят редкие случаи, когда перед художником вставала картина прошлого в метаисторической красоте и подробностях. Целая серия картин, написанных Рерихом еще до революции и посвященных глубокой древности, несла на себе явный отблеск метаисторического творчества. Когда такое творчество будет признано традиционной исторической наукой, то исторические картины Рериха будут рассматриваться как ценнейший исторический источник. К сожалению, такое время еще не наступило.

В то же время у Рериха появились картины, сюжеты которых были таинственны и загадочны. В них иное пространство, где время остановилось и как бы превратилось в вечность. За ними стояла какая-то неведомая и еще не познанная реальность. Их три: «Сокровище Ангелов» (1905), «Владыки нездешние» (1907) и «Книга Голубиная» (1911). Потом выяснится, что эти картины послужили началом того, что сам Николай Константинович назвал «помимо историков», и что сыграло в его жизни как художника и историка важнейшую роль.

«Громадный камень, – писал С. Маковский о «Сокровище Ангелов», – черно-синий, с изумрудно-сапфирными блестками; одна грань смут-

но светится изображением распятия. Около, на страже, – ангел с опущенными темными крыльями. Правой рукой он держит копьё, левой – длинный щит. Рядом дерево с узорными ветвями, и на них – вешие сирины. Сзади – все выше и выше, в облаках, у зубчатых стен райского кремля, стоят другие ангелы, целые полки небесных сил. Недвижные, молчаливые, безликие, с копьями и длинными щитами в руках, они стоят и стерегут сокровище»³.

Через какое-то время этот мифический камень вновь возникнет в его гималайском цикле. У камня окажутся загадочные связи, и легенда о нем зазвучит странными мотивами. Таинственный Грааль средневековой Европы, Артуровы рыцари Круглого стола, вагнеровский «Парсифаль». К опере «Парсифаль» у Рериха было какое-то личностное отношение. Один из его современников вспоминал: «...мне пришлось видеть его (Рериха. – Л.Ш.) с группой друзей на «Парсифале», и мне показалось, что обычно спокойный художник казался несколько взволнованным»⁴.

Потом появится «Легенда о Камне». Ее соберет и опубликует Елена Ивановна Рерих, как всегда, под псевдонимом.

На картине «Владыки нездешние» мы видим своды высокого собора, чем-то похожие и непохожие на известные нам. В росписи стен какая-то неопределенность, незавершенность. На узорчатом полу стоят двенадцать человек. На них длинные черные одеяния. Перед тем как написать это полотно, Николай Константинович сделал эскиз. У каменной стены стоят двое, на них те же свободные темные одежды. Но персонажи прорисованы более четко, более определенно. В руках одного из них посох. Кажется, что они приготовились выйти, но что-то задержало их у двери. На лицах раздумье, чуть смешанное с печалью. Они как будто слушают Время. Сейчас оно прозвенит сроком и странствием. Тяжелая кованая дверь захлопнется за ними, и нездешнее станет здешним...

Давно по Руси ходило сказание о чудесной книге, прочтя которую все можно узнать. Книга никому не открывалась и открылась лишь царю Давиду Евсеевичу. И все, что было написано в ней, объявилось ему. Любознательный князь Владимир пошел к Давиду Евсеевичу и попросил:

*Прочти, сударь, книгу Божию,
Объяви, сударь, дела Божию;
Про наше житие свято-русское,
Про наше житие свету вольного!*

² Рерих Н.К. Собрание сочинений. Кн. 1. С. 15–17.

³ Золотое руно. 1907. № 4. С. 5.

⁴ Бурлюк Д. Рерих. Нью-Йорк, б/д. С. 24.

Н.К. Рерих. Вестник. 1914

Отчего у нас начался белый, вольный свет?
 Отчего у нас солнце красное?
 Отчего у нас млад-светел месяц?
 Отчего у нас звезды частые?
 Отчего у нас ночи темные?
 Отчего у нас зори утренни?
 Отчего у нас ветры буйные?
 Отчего у нас дроблен дождик?
 Отчего у нас ум-разум?
 Отчего наши помыслы?
 Отчего у нас мир-народ?
 Отчего кости крепкие?
 Отчего телеса наши?
 Отчего кровь-руда наша?⁵

Как видим, князь Владимир задал целый ряд сложных научных вопросов, дать ответ на которые царь Давид Евсеевич уклонился. Но так или иначе, вероятно, все это содержалось в книге, ко-

торая в древности называлась «Глубинная», а затем почему-то стала «Голубиной». Четыре короля с лицами мудрецов склонились над книгой. На королях одежды, расшитые неизвестными знаками. За диковинным городом, в котором собрались короли, видятся горы...

Метаисторический процесс «помимо историков» действовал в полном согласии с космической эволюцией и творил свои образы через духовное поле великого художника. Время и пространство этих образов были другими, и они обретали в земной плотной материи таинственные качества. Прошлое, настоящее и будущее в них было единым целым. И это, в свою очередь, придавало метаисторическому процессу пророческий характер, так четко отразившийся в творчестве Рериха.

Перед Первой мировой войной Николай Константинович написал целую серию загадочных картин, понять которые удалось только тогда,

когда предвещаемое в них событие уже стало реальностью. Картины были написаны между 1911 и 1914 годами.

На пространстве, занимающем почти все полотно, идет «Небесный бой». Ветер гонит по небу темные грозовые тучи, которые сталкиваются с оранжево-красными облаками. Схлестываясь, тучи и облака превращаются в фантастические фигуры сражающихся и гибнущих воинов.

В багровых отсветах и дыме пожаров во все небо неумолимо и неотвратимо встал «Ангел Последний». Языки пламени поглощают стены городов, башни и соборы. Взгляд ангела суров и безжалостен. И еще картина, и опять ангел. Он неслышно подходит к воротам города. В руке пришедшего «Меч мужества». Но город спит.

Корабль со спущенными парусами приближается к неприступной крепостной стене. Его печальные мачты напоминают кладбищенские кресты, во всем его облике затаилось что-то тревожное, нехорошее. На желтеющее рассветное небо надвигаются черно-лиловые тучи – «Вестник».

Зарево пожара охватило все небо. Пламя трепещет в окнах темной громады замка. Повержен геральдический лев – «Зарево».

Аспидно-черное небо. Пустое и оглушающее. Дым поднимается от развалин, беспорядочной грудой уходящих к зловещему, утратившему свою реальность горизонту. Горизонт искривлен, так он виден только с большой высоты. На холме стоит группа в девять человек. На них старинные платья, на лицах горе и глубокое потрясение – «Дела человеческие».

Особое внимание привлекла картина «Короны». Три короля стоят на земле. Над ними в небе возникают три облачные короны, улетающие куда-то вдаль. Смысл картины станет ясным несколько лет спустя, когда революция сметет три монархии: Романовых, Гогенцоллернов, Габсбургов.

Леонид Андреев, один из крупных писателей России, художественное творчество Рериха образно назвал «Державой Рериха». «Да, он существует, этот прекрасный мир, – писал Андреев, – эта держава Рериха, коей он единственный царь и пове-

Н.К. Рерих. Небесный бой. 1912

⁵ Перезвоны. Рига, 1926. №13(5). С. 362.

лителю. Не занесенный ни на какие карты, он действителен и существует не менее, чем Орловская губерния или королевство Испанское. И туда можно ездить, как ездят люди за границу, чтобы потом долго рассказывать о его богатстве и особенной красоте, о его людях, о его страхах, радостях и страданиях, о небесах, облаках и молитвах. Там есть восходы и закаты, другие, чем наши, но не менее прекрасные. Там есть жизнь и смерть, святые и воины, мир и война – там есть даже пожары с их чудовищным отражением в смятенных облаках. Там есть море и ладьи... Нет, не наше море и не наши ладьи: такого мудрого и глубокого моря не

знает земная география. И, забываясь, можно по-смертному позавидовать тому рериховскому человеку, что сидит на высоком берегу и видит – видит такой прекрасный мир, мудрый, преображенный, прозрачно-светлый и примиренный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей.

Ища в чужом своего, вечно стремясь небесное объяснить земным, Рериха как будто приближают к пониманию, называя его художником седой варяжской старины, поэтом севера. Это мне кажется ошибкой – Рерих не слуга земли ни в ее прошлом, ни в настоящем – он весь в *своем* мире и не покидает его.

Даже там, где художник ставит себе скромной целью произведение картин земли, где полотно его называются “Покорением Казани” или декорациями к норвежскому “Пер Гюнту”, – даже и там он, “владыка нездешний”, продолжает оставаться творцом нездешнего мира: такой Казани никогда не покорял Грозный, такой Норвегии никогда не видел путешественник. Но очень возможно, что именно такую Казань и такую битву видел грозный царь в грезах своих; но очень возможно, что именно такую Норвегию видел в мечтах своих поэт, фантазер и печальный неудачник Пер Гюнт – Норвегию родную, прекрас-

нейшую, любимую. Здесь как бы соприкасаются чудесный мир Рериха и старая, знакомая земля – и это потому, что все люди, перед которыми открылось свободное море мечты и созерцания, почти неизбежно пристают к рериховским “нездешним” берегам».

Очерк завершается, не ошибусь, если скажу, – пророческими словами: «...не мешает послать в царство Рериха целую серьезную бородатую экспедицию для исследования. Пусть ходят и измеряют, пусть думают и считают; потом пусть пишут историю этой новой земли и заносят ее на карты человеческих открытий, где лишь редчайшие художники создали и укрепили свой царства»⁶.

Процитированный уникальный фрагмент относится к первой Державе Рериха. Другую он сотворил позже, уже на иной, далекой земле. Но обе эти державы тесно соприкоснулись друг с другом, ибо первая в действительности была изначальной основой второй. Русский писатель, проникнув в глубь рериховского творчества и коснувшись внутреннего мира художника и ученого, открыл важнейшую особенность этого творчества, составившую главную мировоззренческую основу всех областей знаний, какими бы Рерих ни занимался. Отбрасывая эту основу, – которую можно назвать «нездешностью» или «инобытием», – а это происходило и происходит до сих пор, – нельзя постичь уникальность и духовную глубину одного из великих людей XX века, основателя нового космического мышления.

Именно в этот период, когда ему самому еще многое не было известно, его захватила Индия, ее культура, ее история, ее искусство. Можно сказать, что в этом ничего особенного не было. В начале XX века многих из творческих деятелей и интересовавшихся культурой привлекала Индия. У Рериха тоже был свой интерес к Индии. Его привлекла проблема общего исторического источника славянских и индийских народов. Этот интерес был в пространстве земного исторического процесса. Но чем бы Рерих ни интересовался, особенно в области истории, во всем звучала метаисторическая нота, которая как бы шла из его внутреннего духовного мира. Но то, что притягивало его к Индии интуитивно, было связано с ее особенностями. В этой стране, в отличие от многих других, культуру и историю освещал метаисторический процесс, который продолжал жить здесь, и в нем заключалась особенность и уникальность Индии.

Именно этот процесс обуславливал в этой стране то, что европейцам казалось таинственным, малообъяснимым, а подчас просто чудес-

Н.К. Рерих. Короны. 1914

⁶ Держава Рериха. М.: МЦР, 2004. С. 38–40.

ным. Время в Индии обладало своими особенностями. Бесследно исчезли с лица нашей планеты древние египтяне, шумеры, тольтеки... И лишь мертвые реликвии в сухой и выжженной земле напоминают о них. В Индии же память обо всех, кто когда-то прошел по ее древним дорогам, бьется горячей кровью в тех, кто живет теперь. Древнейшая культура Мохенджо-Даро и Хараппы, захороненная в покрытых скудной растительностью холмах долины Инда, продолжается в душах и обычаях тех, кто населяет современные города Индии. Ранняя заря каменного века австралоидных племен еще горит в фольклоре и танцах Южной Индии.

Безупречно действовавший в течение веков и тысячелетий механизм культурной преемственности сформировал в «великом ритме» индийский культурный феномен. В этом феномене есть один важный момент, без которого нельзя понять ни самой страны, ни ее духовной традиции. Индия, как и любая другая страна, подвергалась нашествиям, вторжениям и даже завоеваниям. Но в отличие от других стран она довольно быстро ассимилировала культуру пришельцев, превращая ее в органическую часть уже сложившегося своего культурного комплекса. Эта загадочная способность не объяснена и не изучена. Джавахарлал Неру утверждал, что Индия на заре истории была уже «зрелой во многих отношениях»⁷. Это – «зрелая во многих отношениях» – проливает какой-то свет на такую способность, хотя и не объясняет самого феномена. В течение веков и тысячелетий Индия ассимилировала иранцев, тюрков и евреев. «...В прошлом, – писал Дж. Неру, – господствующей чертой развития индийской культуры и даже народностей было некое внутреннее тяготение к синтезу, вытекающее в основном из индийского философского мировоззрения. Каждое новое вторжение иноземных элементов было вызовом той культуре, но ему успешно противостоял новый синтез и процесс поглощения. Это был также процесс омоложения, на почве которого выросли новые цветы культуры, хотя основа осталась в общем без изменений»⁸.

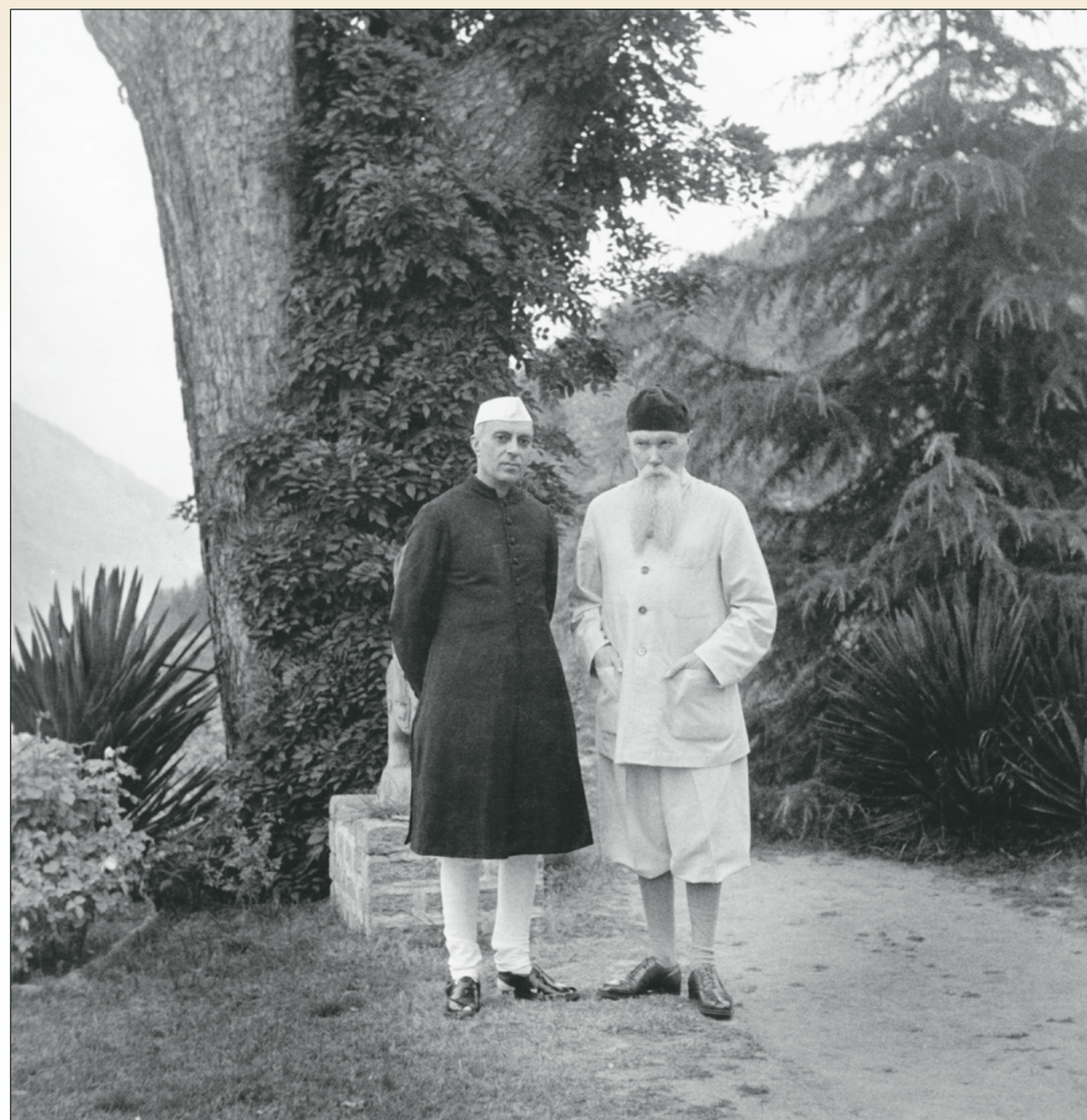
Неру связывал «тяготение к синтезу» с индийским философским мировоззрением. Возможно, в какой-то мере он прав, придавая философскому мировоззрению такое значение. Оно, без сомнения, составляло суть многовековой духовной традиции Индии, формировавшейся в русле ее культурной непрерывности. Сама духовная традиция, складывающаяся, казалось бы, из самых

разных компонентов, таких как философия и народные верования, различные религиозные системы и фольклор, а также многое другое, тем не менее представляет собой нечто целостно синтетическое, обладающее особенностями, лежащими «поверх» (по выражению Рериха) этого целостного явления. Эти особенности «поверх» дают нам возможность увидеть существенные «непреходящие» моменты самого явления и понять то, что Неру назвал «философским мировоззрением», а один из крупнейших индологов мира Макс Мюллер – «коррективами». «И если бы я, – писал последний, – сам задал себе вопрос, из какой литературы мы, европейцы, воспитанные почти исключительно на идеях греков и римлян, а также одной из семитических рас – евреев, можем почерпнуть те коррективы, которые наиболее желательны, чтобы сделать внутренний мир человека более совершенным, более обширным, более объемлющим и, в сущности, более человечным, обращенным не только к этой жизни, но и к жизни вечной, – я опять-таки указал бы на Индию»⁹.

Различные философские системы Индии возникли на многовековом дереве духовной традиции, подобно свежим побегам, питавшимся теми же корнями, которые взрастили их предшественников. Старое не отрицалось, не отсекалось, а как бы канонизировалось в новом своей лучшей частью, в первую очередь той, которая была способна к развитию, дальнейшему движению и трансформации. В результате, например, в трудах ведантистов мы находим продуманный анализ других философских систем, таких как чарвака, буддизм, джайнизм, санкхья, йога, миманса, ньяя, вайшешика.

В основе этого исторического механизма лежала концепция диалектического единства прошлого, настоящего и будущего. Эта концепция и формировала индийскую духовную традицию как таковую. Не исключено, что именно эта концепция, действовавшая в течение многих веков, привела к тому, что в стране не существовало противостояния элитарной культуры народной. Одни и те же идеи, одни и те же истины воспринимались и использовались самыми различными слоями индийского общества в форме, соответствующей сознанию и образованности этих слоев. Богатая устная традиция играла при этом важнейшую роль.

Народ знакомился с философскими истинами через эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», через мифологию Пуран и заклинания Вед, через устные рассказы о жизни Будды. Од-

Дж. Неру и Н.К. Рерих. Кулу. 1942

нако ни жрецы в храмах, ни деревенские сказители не смогли бы сами сформировать упомянутое Дж. Неру философское мировоззрение целого народа. Этим занимались другие. Я имею в виду древний институт духовного наставничества, сохранившийся в Индии до наших дней. Санскритское слово «гуру» (духовный учитель) со временем получило такое же распространение на планете, как и русское «спутник».

Гуру были разные: последователи ортодоксальных систем, самобытные философы, просто чуткие и мудрые люди. Но все они, несмотря на различия, творили духовную традицию, не давали ей умереть и бережно передавали из поколения в поколение. Гуру как бы замыкали на себе беско-

нечную цепь культурной преемственности. Несмотря на различия в методах и идеях, они несли в себе непреходящие черты индийского философского мировоззрения. В течение веков духовная традиция Индии вырабатывала в человеке одно из важнейших качеств – молитвенное отношение к Красоте в ее глубинном, философском смысле.

Осмысливая суть духовной традиции, Дж. Неру писал: «...мы очень древний народ, и мы слышим шепот столетий, отошедших в незапамятное прошлое. Однако мы знаем, как обретать молодость вновь, хотя воспоминания и мечты этих минувших веков остаются с нами. На протяжении всех этих долгих столетий не какая-нибудь тайная доктрина или сокровенные знания поддерживали

⁷ Неру Д. Открытие Индии. М., 1955. С. 72.

⁸ Там же. С. 77.

⁹ Цит. по: Неру Д. Открытие Индии. С. 90.

Н.К. Рерих. Нагарджуна – победитель Змия. 1925

жизнеспособность Индии, а величайшая гуманность, разнообразная и исполненная терпимости культура и глубокое понимание жизни и ее таинственных путей¹⁰. Без восприятия этого «шепота столетий» не существовала бы ни такая культура Индии, ни ее стержень – духовная традиция.

Именно «шепот столетий» побуждал индийца поклоняться не только Красоте, но и Мудрости и Знанию. Народ Индии, в отличие от народов многих других стран, обожествил создателей философских систем, мудрецов и учителей. Если

в Древней Греции поклонялись богам и героям, то в Индии – богам и мудрецам, а потом уже героям. Мудрецы – создатели и творцы духовной традиции Индии – были ее особым явлением. Мудрецы первого поколения согласно мифологической традиции – не только культурные герои, просвещавшие народ и обучавшие различным ремеслам, они были связаны с Космосом. Созвездие Большой Медведицы в Индии называют Саптариши – Семь Мудрецов. От этих Семи Мудрецов пошли и остальные, каждый из которых оставил

свой след не только в мифологии Индии, но и в ее истории. Родословная их насчитывает века и дошла до XX столетия. В любой другой стране существование подобных мудрецов в наше время подверглось бы явному сомнению или просто отрицанию. В любой стране, но не в Индии, где слышен «шепот столетий». Среди исторических мудрецов Индии были «чистые» философы, религиозные реформаторы, политические деятели. Будда и Махавира, Нагарджуна и Нагасена, Шанкара и Рамануджа, Рамакришна и Вивекананда, Ауробиндо Гхош и Махатма Ганди, такие разные по своим идеям и деятельности, были едины в гу-

манистическом устремлении осмыслить культурно-историческую эволюцию человечества, помочь человеку стать более совершенным и осознать свое место в этой эволюции.

Одних мудрецов мы знаем, другие остаются для нас анонимными, плотно сокрытыми цветным занавесом мифа. Но есть среди них и те, для которых анонимность является не мифом, а реальностью. В течение веков целые группы мудрецов и Учителей оставались как бы за экраном истории. Они достигали высоких ступеней на лестнице духовного совершенствования. Некоторые из них, появляясь в миру, нередко занимали высокое социальное положение, но оставляли как бы в тени свою связь с институтом мудрецов. Можно, например, вспомнить об императоре Ашоке из династии Маурьев или об императоре Акбаре из династии Великих Моголов. В обоих случаях Власть, соединившаяся с Мудростью, давала плодотворные исторические результаты.

Великих Мудрецов называли Махаришами или Махатмами – Великими Душами. Николая Константиновича Рериха тоже называли Махариши. На памятном камне на месте его кремации в гималайской долине Кулу высечено: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Вихрам эры, что соответствует 15 декабря 1947 года. Ом Рам». Этим завершился индийский период жизни Николая Константиновича. Он открывал новые пути в науке, в искусстве, он открыл их и в Индии.

Именно в такую Индию Рерих и стремился, сначала интуитивно, а затем вполне сознательно, когда на его пути встал Учитель, реальный Космический Иерарх, и метод свидетельства стал завершающим в его метаисторическом процессе. Пройдя через сложнейшие трудности, он, вместе с семьей – женой Еленой Ивановной и сыновьями Юрием и Святославом, в декабре 1923 года прибыл в Индию. Позади он оставил революцию, свои скандинавские выставки, короткую жизнь в Лондоне, активную культурную деятельность в США, где в том же 1923 году был создан музей его имени. После посещения культурных и исторических достопримечательностей Индии Рерихи отправились в Дарджилинг, откуда в 1924 году стартовала планетарная Центрально-Азиатская экспедиция, начавшаяся в соседнем с Индией королевстве Сикким. Там же, в Дарджилинге, произошло событие, которое определило всю жизнь и творчество Николая Константиновича.

Начало этого события описано Рерихом в завуалированной форме. «Мы четверо после полудня ехали на моторе по горной дороге. Вдруг наш шофер замедлил ход. Мы увидели на узком

¹⁰ Неру Д. Открытие Индии. С. 156.

месте портшез, несомый четырьмя людьми в серых одеждах. В носилках сидел лама с черными длинными волосами и необычной для лам черной бородкой. На голове была корона, и красное с желтым одеяние было необыкновенно чисто. Портшез поравнялся с нами, и лама, улыбаясь, несколько раз кивнул нам головою. Мы проехали и долго вспоминали прекрасного ламу. Затем мы пытались встретить его. Но каково же было наше изумление, когда местные ламы сообщили нам, что во всем краю такого ламы не существует»¹¹.

Теперь многое в жизни Рериха проявилось. «Лама» был духовным Учителем Рерихов, который спешил на встречу с ними, состоявшуюся в небольшом придорожном храме, напротив монастыря Гум. Именно тогда Учитель, имевший непосредственное отношение к космической эволюции и метаисторическому процессу, поставил перед Рерихами задачу, которая должна была обрести форму Центрально-Азиатской экспедиции. С момента выхода этой экспедиции на намеченный маршрут последний стал пространством творчества космической эволюции на планете Земля. Именно здесь закладывался метаисторический процесс, обусловивший на длительное время земной исторический процесс. Метаистория заключалась не только в информации, идущей из космической материи высокого состояния, но и в действиях Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерих, которые формировали сам метаисторический процесс. Сама же Центрально-Азиатская экспедиция послужила в XX веке примером взаимодействия космической эволюции со своими вестниками на Земле. После энергетического импульса, который космическая эволюция дала Духовной революции в России, импульс, данный через Центрально-Азиатскую экспедицию, закрепил дальнейший метаисторический процесс и реализовал необходимое творчество, направленное к формированию нового витка космической эволюции планеты Земля, нового сознания, нового космического мышления.

На маршруте Центрально-Азиатской экспедиции Рерихи – и Николай Константинович, и Елена Ивановна – творили энергетическое поле Нового Мира в тех странах, где для этого существовали нужные условия, которые и определили маршрут самой экспедиции. Это творчество шло в самом тесном взаимодействии с творчеством Космического Иерарха. Сам Учитель был блестящим историком, формировавшим в течение долгого времени истории человечества его историче-

ский процесс в неразрывной связи с метаисторическим процессом.

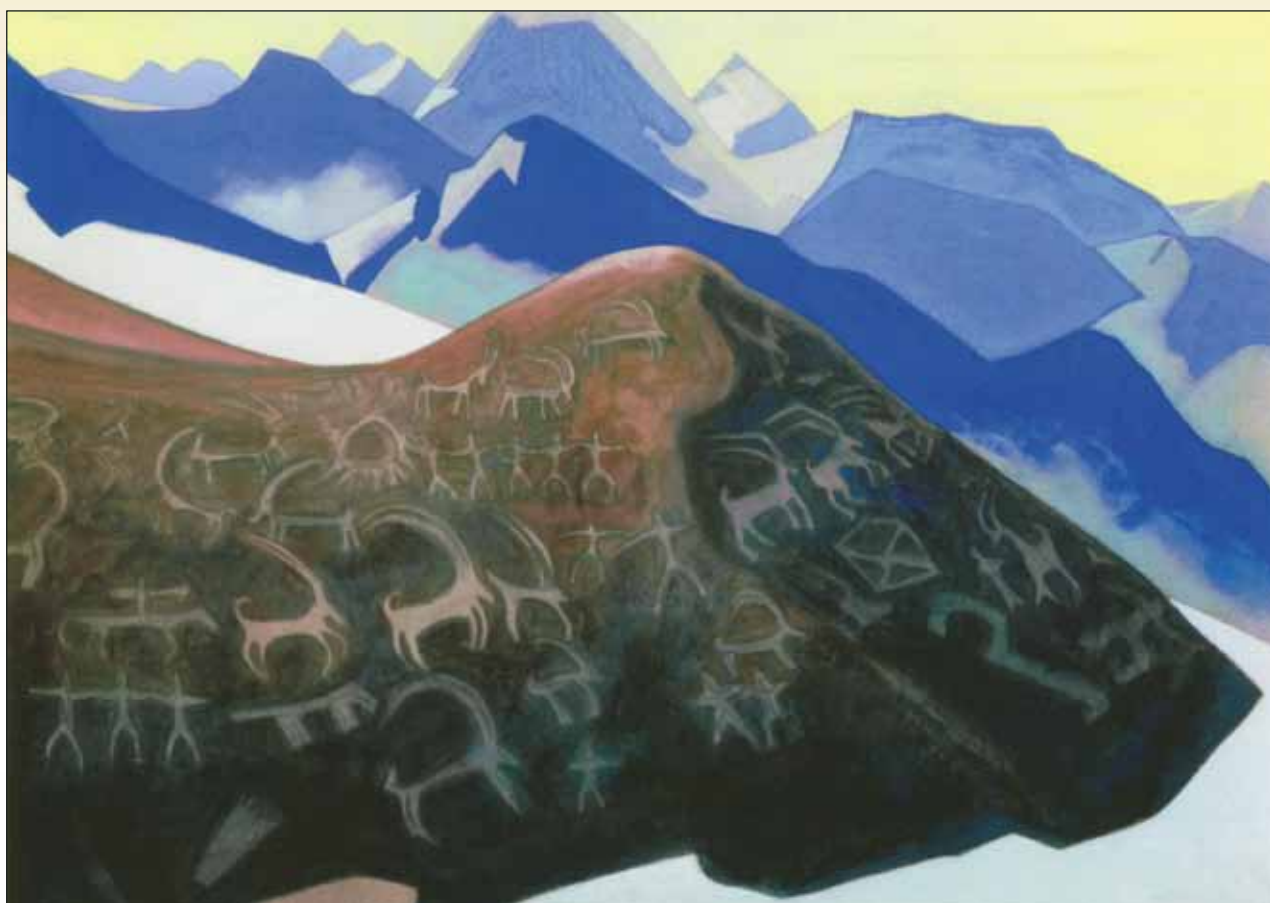
Ограниченный объем этой работы не дает возможности остановиться на таком сюжете. Три метаисторических полотна, написанных Николаем Константиновичем еще в дореволюционной России, обрели полную реальность на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. «Сокровище ангелов» превратилось в осколок метеорита, заключавший в себе тончайшую и высокочастотную космическую энергетику. Им снабдил Рерихов сам Учитель. «Книга Голубиная» оказалась аллегорией философии Космической реальности, и, наконец, «Владыки нездешние» явились теми Космическими Иерархами, которые много веков содействовали развитию эволюции человечества.

Караван шел по сужденному маршруту, и перед участниками экспедиции разворачивалась грандиозная и богатая картина культур в их времени и пространстве. У Рериха от этого зрелища захватывало дух, его интуиция работала точно и своевременно. Запись в экспедиционном дневнике Рериха о двух потоках жизни в Азии находила в этой картине полное подтверждение. Вместе с тем она углублялась, обрала новыми подробностями, и ранее не объяснимое становилось ясным. Маршрут экспедиции был составлен удивительно точно и исторически плодотворно. Его история несла в себе также два потока – метаисторию, формирование которой было связано с высшей космической материей, и земную историю. Но в странах, по которым шел Караван, оба потока не только не были резко разделены, а взаимодействовали друг с другом. Это взаимодействие раскрывало перед Рерихом – историком и художником – богатейшую и уникальную перспективу для исследований. Через земную историю он выходил на космическую эволюцию, о которой говорил Учитель в своей Живой Этике, через метаисторию постигал земное творчество этой эволюции.

Исторические переселения народов теперь захватывали своей масштабностью и многообразием. Он как бы видел и ощущал их движение через горы и пустыни. Традиционное объяснение историками причин этого движения, заключавшихся якобы в поисках лучших земель, становилось смешным и неубедительным. В этих передвижениях заключалась иная, неземная сила, и сила эта была причиной этих движений. Метаистория свидетельствовала о Космосе. Именно космический ритм и космическая энергетика в силу каких-то

¹¹ Рерих Н.К. Избранное. М., 1979. С. 158–159.

◀ *Храм в окрестностях Дарджилинга, в котором произошла встреча Рерихов с Учителями. Фото А.В. Шапошниковой*

Н.К. Рерих. Знаки Гесэра. 1935–1936

тайных стремлений сдвигали с места эти народные массы. Все размышления и исследования Рериха упирались в космическую эволюцию и ее законы, открытые ему и Елене Ивановне их духовным Учителем. Знание и знание – вот что несла космическая эволюция на Землю и отдавала их, через метаисторический процесс, людям.

Следуя энергетическому мировоззрению, так точно и ясно объясненному Учителем, Николай Константинович вник в великую историческую суть кочевого мира, охватывающего евразийские просторы с самой глубокой древности. Это был мир динамичной активности, мир интенсивного энергообмена, создающего новую энергетику для дальнейшего развития историко-культурного пространства. Контакты кочевых народов с земледельческими цивилизациями, не всегда мирные, вливали в них новую энергетику и возрождали для дальнейшего развития. Идя по следам кочевых империй и культур на маршруте экспедиции, Рерих как бы ощущал эту энергетику, которая до сих пор еще действовала на путях евразийских кочевников. Огромный мир, древний и современный, по которому двигался Караван, звучал каким-то прошлым единством и цельностью. Он нес в себе сочетания самые неожиданные. В Тибете Рерихи открыли мегалитические

памятники, которые существовали и в древней Европе. В тибетских нагорьях открывались украшения «звериного стиля» евразийских кочевников. И Рерих искал в этом огромном мире, древнем и современном, не различия, но общность в культуре, которая со временем преодолет разрозненность и вражду. Он чувствовал, что единство принадлежало метаистории, а разрозненность шла из земного исторического процесса и замедляла ход космической эволюции.

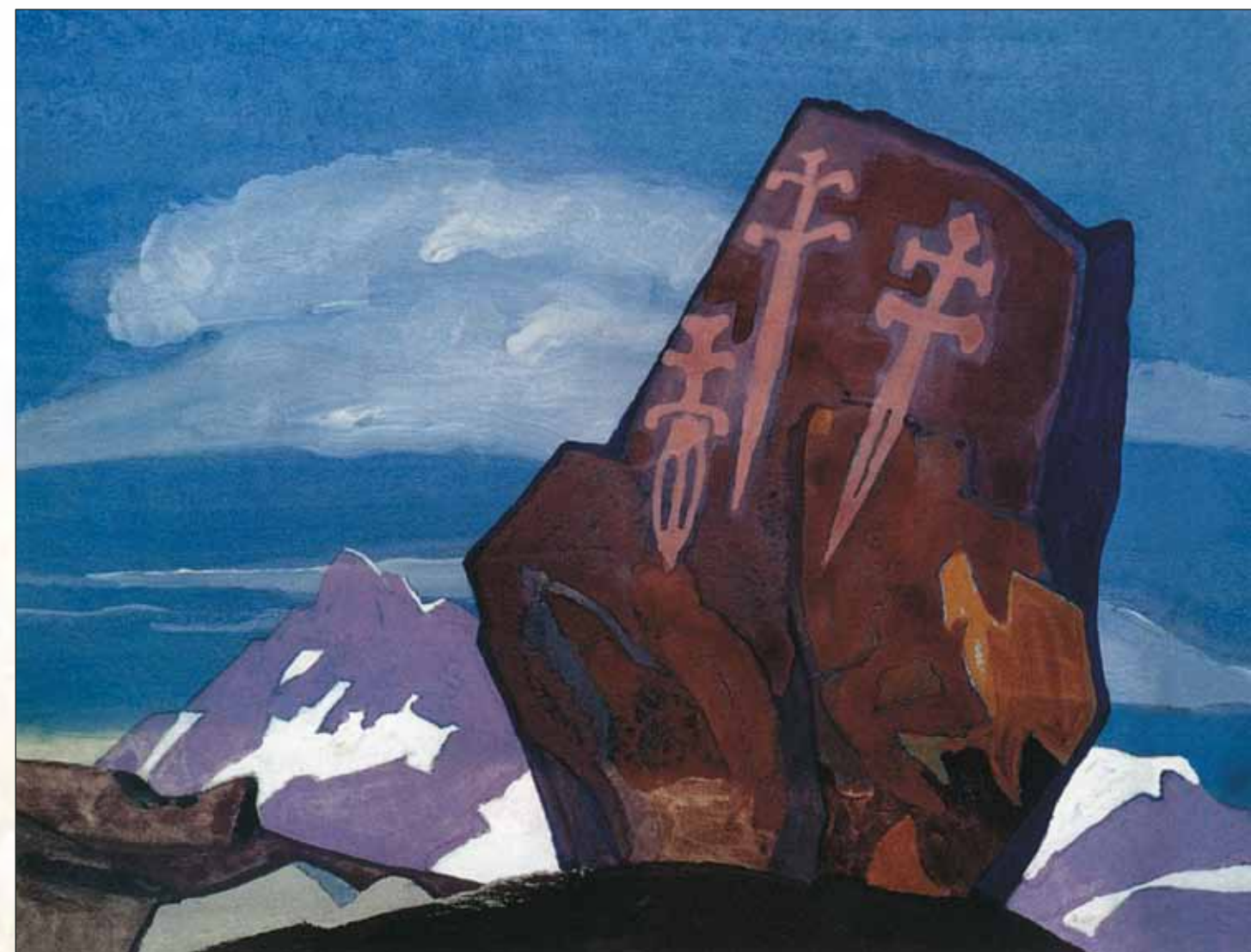
Прошлое, настоящее и будущее – земная триада Времени, которую не знают миры более высокого состояния материи, не знает ее и метаистория. Но с помощью такого времени можно правильно оценивать земную историю – что в ней нужно для дальнейшего развития, а что можно забыть. Подходя к исследованию исторического процесса, Рерих разделил все в нем существующее и происходящее на непреходящее, долговременное, и преходящее, быстро исчезающее. Метаистория в основном состояла из непреходящих элементов, земная история имела немало преходящего. И Рерих в этом огромном историческом пространстве, по которому шла экспедиция, искал непреходящие элементы. Они содержались в древних священных книгах, духовных учениях, космогонических мифах, легендах о мудрецах

и культурных героях, творчестве красоты и многом другом, что проходит через века, не увядает и служит опорой будущему.

Мысль «без прошлого нет будущего» была концептуальной для Рериха с самого раннего периода его творчества. И он, опираясь на метаисторический процесс, искал в прошлом то, что могло бы послужить опорой будущему. Он посещал храмы индуистские, буддийские и добуддийские. Те и другие в значительной мере напоминали музеи, где экспонировались знания в различных их формах. При храмах и монастырях были уникальные библиотеки, и древние рукописи лежали рядом с алтарями. Помощь в этой работе Юрия Николаевича была бесценной для Рериха. В своих экспедиционных дневниках Николай Константинович отметил немало непреходящего в историческом процессе, которое будет необходимым для будущего. Он называл это непреходящее «прекрасными камнями» будущего. Подобные исследования входили в задачу самой экспедиции,

поскольку были непосредственно связаны с космической эволюцией человечества. Здесь, на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции, он создавал новую «Державу Рериха». Ту «Державу», которая не только наполнит его жизнь, но и окажет значительное влияние на космическую эволюцию земного человечества.

Рерих не только исследовал метаисторический процесс, он творил его. И Елена Ивановна, его жена и друг, стояла рядом с ним в этом творчестве. На маршруте Центрально-Азиатской экспедиции было произведено важнейшее метаисторическое действие, которое явилось причиной земного исторического процесса и было непосредственно связано с творчеством космической эволюции. В этом действии был заключен энергетический импульс, направленный Высшим низшему, согласно космическому закону: Высшее в эволюции ведет низшее. Действие это называлось закладкой магнитов и являлось главной целью Центрально-Азиатской экспедиции.

Н.К. Рерих. Три меча. 1932

Сама закладка магнитов была одним из важных проявлений творчества космической эволюции на Земле. В течение истории человечества подобная закладка проводилась не однажды в разное время и в разном пространстве. Магнит этот, согласно Живой Этике, преображал идею пространства в действие и был одним из начал творения метаисторического процесса. Идея пространства о необходимости новой ступени космической эволюции на Земле, Новой эпохи и Нового человека должна была получить свою энергетику и импульс для дальнейшего развития. Слово «магнит» вызывает у нас привычное представление, которое не соответствует слову, употребляемому в философии Космической реальности. Под этим определением имеется в виду пространственная энергетическая структура. Такую структуру нельзя привести с собой в караванном багаже или собственном кармане, а потом куда-то заложить. Такая структура есть результат энергетического творчества тех (или того), кто (или что) несут в себе так называемое веление космоса, или миссию творчества космической эволюции.

Что же соответствовало в самой Центрально-Азиатской экспедиции такому обстоятельству? Прежде всего это был «камень», или осколок метеорита, энергетический след которого Николай Константинович проследил в мифологии, легендах и поверьях. Такого рода материал мы находим в экспедиционных дневниках Рериха и его живописи. Но уникальная энергетика этого метеорита должна была сочетаться и с иной энергетикой, чтобы получилась пространственная магнитная структура. Если мы соотнесем кое-какие даты творчества Елены Ивановны и Николая Константиновича с датами Центрально-Азиатской экспедиции, то не сразу осознаем случившееся и, скорее, удивимся, почему, например, «огненный опыт» Елены Ивановны, проходивший под контролем Космических Иерархов, начался в 1924 году на маршруте экспедиции. И почему Николай Константинович создал на этом же маршруте не только зарисовки, но и значительное количество сюжетных и объемных полотен. Ведь условия маршрута, по которому шел Караван, очень мало способствовали такому творчеству. Трудности на местах, неблагоприятные климатические условия затрудняли подобного рода работу. Но несмотря на такие обстоятельства и Елена Ивановна, и Николай Константинович упорно выполняли то, что как бы затрудняло, и в немалой степени, их пребывание на экспедиционном маршруте. Ответ может прийти, если мы поймем, что творчество

и Елены Ивановны, и Николая Константиновича было энергетическим. Нет сомнения, что такая их деятельность была связана с формированием энергетики закладываемого магнита. Нам известно, что именно в 1924 году Учитель начал очень сложный и трудный процесс изменения энергетики Елены Ивановны и преобразования ее в более тонкую и высоковибрационную. Этот процесс Елена Ивановна назвала «огненный опыт». На маршруте были открыты ее огненные центры, связанные с материей иного, более высокого состояния. Подробности этого творчества можно узнать в книге Елены Ивановны «У порога Нового Мира».

Что касается Николая Константиновича, то он написал на маршруте экспедиции в самых трудных условиях три самые знаменательные свои серии картин: «Его страна», посвященную Учителю, «Знамена Востока», где он воспроизвел личности, формировавшие на Земле метаисторический процесс, и, наконец, «Майтрейя» – картины о вехах, по которым идет будущее. К этим трем сериям можно добавить следующие полотна: «Приказ Ригден Джапо», «Легенда о Шамбале», «Хранитель входа», «Сосуд нерасплетенный». Эти картины были созданы Рерихом в 1924–1927 годах. Размеры статьи не позволяют описать их, можно только сказать, что они посвящены духовным путям человечества и их водителям. Но вместе с тем следует указать и на особенность, присущую этим полотнам, – значительная их часть сделана метаисторическим методом видений, что, в свою очередь, не только отличает их от картин, написанных с натуры или по домыслу, но и значительно повышает их тонкую энергетику.

Таким образом, при закладке магнита Рерихи использовали три источника энергии: метеорит, огненные центры Елены Ивановны и высокоэнергетичные картины Николая Константиновича, созданные метаисторическим методом. Все три источника были связаны с творчеством космической эволюции. Возникает вопрос: в каких же местах маршрута были заложены магниты?

Точного ответа на этот вопрос пока нет, но есть предположения, некоторые из них имеют свои подтверждения. Полагаю, что закладка магнитов, которая связана непосредственно с метаисторическим процессом, шла по всему маршруту Центрально-Азиатской экспедиции. Если мы внимательно вчитаемся в экспедиционные дневники Н.К. Рериха, то сможем почувствовать в них определенное отношение автора к тому или другому пространству, к той или другой стране. Это отношение еще долго проявлялось у Рериха

Камень (фрагмент метеорита). Фотография 1920-х гг. ▶

Ю.Н. и Н.К. Рерихи во время Центрально-Азиатской экспедиции. 1924–1928 гг.

и после экспедиции. По всей видимости, первая закладка произошла в Индии – стране, к которой Рерихи относились особо, ценя ее многовековую историю, сохранившую богатую духовную культуру, в которой очень четко проявился метаисторический процесс, не отвергнутый ни культурной элитой страны, ни ее народом, как это случилось в других государствах. Искренняя привязанность Рериха и научно, и творчески, и художественно к Гималаям, особенно к их индийской части, свидетельствует о многом.

Вторым местом закладки магнитов могла быть Москва. Несколько моментов явно свидетельствуют об этом. Именно в Москве была оставлена серия картин «Майтрейя», созданная Рерихом на маршруте экспедиции. Картины также были непосредственно энергетически связаны с процессом закладки магнитов. В специальной шкатулке была привезена земля со священного места. И наконец, книга-предупреждение «Община», ко-

торая составляла одну из важных частей Живой Этики, в которой Учитель высказал свои пророческие мысли насчет России. Эта книга являлась одним из интереснейших метаисторических источников.

Через всю историю человечества проходит сверкающая цепь предупреждений, связанных с высшей космической материей и несущих в себе таинственную красоту творчества космической эволюции. 1926 год, время посещения Рерихами Москвы, был переломным годом, в котором перед страной стоял выбор дальнейшего пути. Энергетика метаистории должна была помочь выбрать правильный путь. Но свободная воля руководителей страны решила эту проблему по-своему. Все привезенное Рерихами практически не было принято. Картины оказались в темных углах государственных складов, были спасены от забвения А.М. Горьким и оказались в Нижнем Новгороде, ларец с землей исчез, «Община» не была опубликована. Но энергетика, связанная с метаисторическим процессом закладки магнита, исчезнуть не могла. Она продолжала действовать и время от времени проявляла себя в бедственные и тяжелые моменты истории нашей страны.

О том, что Москва стала особым местом после посещения ее Рерихами, косвенно свидетельствуют еще некоторые обстоятельства. В 1957 году в Россию вернулся старший сын Рерихов – Юрий Николаевич. Будучи крупным востоковедом и занимаясь активно научной работой в одном из академических институтов, Юрий Николаевич поставил проблему создания музея Н.К. Рериха в Москве. Ранняя смерть прервала эту его деятельность. Его младший брат Святослав Николаевич, передавший в Россию наследие своих родителей, также считал необходимым создать музей Н.К. Рери-

ха именно в Москве. Он не однажды при этом говорил, что музей должен быть в Москве и только в Москве, хотя долгие годы был связан с Петербургом. С Москвой его связывал лишь маршрут экспедиции. Такая настойчивость братьев в отношении места создания рериховского музея заставляет серьезно задуматься.

Когда наконец в 1989 году в Москве был создан Советский Фонд Рерихов, главной целью которого являлась организация музея Н.К. Рериха, Святослав Николаевич в связи с этим событием приехал в Москву. Ему предложили на выбор несколько зданий для будущего музея. Из всего осмотренного он выбрал усадьбу Лопухиных. Первая фраза, которую произнес Святослав Николаевич, когда мы с ним вошли в захлащенный двор усадьбы: «Какая здесь чистая энергетика». Он не вошел в главное здание усадьбы, где в это время обитал трест Минтяжмаша, а выходя из двора, сказал: «Это то, что нам надо». Я привела здесь, казалось бы, незначительный факт, но известно, что каждое явление, факт или событие имеют не только внешнюю, но и внутреннюю сторону. Определить внутреннюю сторону факта – значит вскрыть его истинную суть.

После Москвы был Алтай, и Николай Константинович дал высокую оценку будущему этому краю. Можно не сомневаться, что магнит был заложен и там, и скорее всего, в Уймонской долине. Монголия была второй страной, где Рерих оставил свою картину. Она называлась «Великий Всадник» и явно была связана с заповедной страной, где находились ашрамы Учителей – Космических Иерархов. Вслед за Монголией был Тибет, где экспедиция претерпела много бед и трудностей, а положение региона в культурном отношении оставляло желать лучшего. Критикуя современную ситуацию в Тибете, Рерих писал немало о его будущем возрождении. Николай Константинович

всегда подкреплял свои мнения практическими действиями, возможно, что такие действия были проведены и в Тибете.

Рерих прослеживал на маршруте Каравана следы творчества метаистории в мифах, преданиях и сказаниях. В них все чаще, по мере продвижения экспедиции, появлялось слово «Шамбала», означающее заповедную страну мудрецов и праведной жизни. За всем этим стояла реальность, связанная и с надземными мирами, и с событиями, происходящими на самом маршруте. Он отразил все это в своих картинах, в которых как бы отсутствовало время, а пространство таинственно растворялось в горных даях и снегах. В этих загадочных полотнах смешались предания и Высокая реальность. Границы между ними были неразличимы.

«С тех пор, – писал Рерих, – мы много где видели сказочную правду. В Срединной Азии, в Тибете, в Гималаях встречались врата в тридцатые царства. Высились нерукотворные великаны, и грозные, и ласковые, и гордые, и зовущие. Скла-

Ступа, построенная во время экспедиции

Лагерь экспедиции в Ших-Пао Чьенг. Горы Нань-Шань. 1927

дывал сказки хожалый, много видавший путник. С караваном он когда-то пересекал Гоби и Цайдам и дивился самому белоснежному Ергору. Сказание пришло из яви. Караванщики предупреждали: «Дальше не ходи!» Разве не о тридесяти, заповедном царстве они предупреждали?»¹² И далее: «Правда наиреальнейшая в том, чтобы без лукавых выдумок напомнить и цветом и звуком о существующем»¹³. Вот эти удивительно точные слова – «и цветом и звуком» – свидетельствуют о том, сколь многосторонне и глубоко исследовал Николай Константинович уникальное пространство «помимо историков».

Сведенные воедино, эти исследования давали необычную картину чьих-то действий, от которой зависела судьба экспедиции. Казалось, что рядом с экспедиционным маршрутом проходила какая-то тайная тропа, на которой и совершались эти действия. На ней возникали странные, неизвестные люди, включая и того – в золотшитом кафтане, предупредившего Рерихов о готовящемся нападении на экспедицию. Они сообщали загадочные вести, совершали неожиданные поступки. Среди них были ламы, сказители и просто встречные путники. На каждом этапе маршрута, в каждой стране или области происходило нечто, что потом требовало и расшифровки, и осмысления. Записи в дневниках содержат немало подобных фактов, и если свести их воедино, то получится уникальная картина внутренней истории, или метаистории, самой Центрально-Азиатской экспедиции, так не похожей на историю внешнюю. Вот несколько примеров, которые можно почерпнуть из экспедиционных дневников Рериха.

Из письма секретарю Рериха В.А. Шибаеву (Кашмир): «Забота совершенно необыкновен-

ная. Даже лошади для похода указаны (здесь очень трудно найти хороших и цельных). Уже дан дом в Лехе (вернее, Ле)»¹⁴. «Из-за Си-Шаня сверкает великолепная Венера. Знаем, что на нее любуетесь Вы в Гималаях. Знаем, откуда и через какую долину, и поверх каких снеговых вершин смотрите Вы в часы вечера. Глядим на звезду, а слышим шум деодаров и все предночные голоса и звучания горные. Сколько зовов и знаний созвано одною звездою. Небесные веки настоаживают и соединяют сердца. Те же звезды. Те же знаки небесные наполняют сердца благоволением вне пространств и времен»¹⁵. Кашгар-Куча: «Сегодня приняты важные решения, есть сообщения»¹⁶. Монголия, Урга: «Много смятения и ожидания. Но все-таки не отложим отъезда. Е.И. напряженно стоит у притоки и говорит: “Жду, как разрешит все тот, кто все разрешает”. А тут и телеграмма!»¹⁷ Монголия: «Среди дождей и грозы долетают самые неожиданные вести. Такое насыщение пространства поражает. Даже имеются вести о проезде здесь Учителя сорок лет тому назад <...> Двадцатого июля получены указания чрезвычайного значения. Трудновыполнимые, но приближающие следствия. Никто в караване еще не подозревает о ближайшей программе. На следующий день опять важные вести, и опять спутники не знают о них. Сверяйте эти числа с вашими событиями <...> Конец июля. “Иду радостно в бой”. Lapis Exillis – блуждающий камень. Вчера буряты пророчествовали что-то сумрачное. Именно: “Посылаю лучшие токи для счастливого решения дел”. Предполагаем выступить через Цайдам к Тибету девятнадцатого августа. Отважился пересечь Цайдам по новому пути. К вечеру двадцать восьмого прискакал Ч. (В. Кардашевский. – Л.Ш.) с ме-

чом и кольцом»¹⁸. И уже в Тибете: «...экспедиция была в самом безвыходном положении. Можно было ждать лишь чего-то необычного. В самый трудный момент пришло все разрешающее известие»¹⁹.

Прочитанные записи относятся к очень важному моменту в истории Центрально-Азиатской экспедиции. Они напоминают о тех, с кем произошла памятная встреча около Дарджилинга в 1923 году. «Вы, может быть, спросите меня, – отмечал Рерих, – почему, говоря о Шамбале, я упоминаю Великих Махатм? Ваш вопрос может иметь основание, потому что до сих пор в литературе эти великие понятия за недостатком осведомления оставались совершенно разделенными. Но, зная литературу о Великих Махатмах и изучая сведения о Шамбале на местах, высокопоучительно видеть объединительные знаки этих понятий и, наконец, понимать, как они близки в действительности»²⁰.

Связь подлинных Великих Душ с Заповедной страной не оставляла у Рериха никаких сомнений. И опять запись в экспедиционном дневнике: «Странно и дивно идти теми самыми местами, где проходили Махатмы. Здесь была основанная ими школа. В двух днях пути от Саг-дзонга был один из Ашрамов, недалеко от Брамапут-

Н.К. Рерих. Цайдам. 1944

ры. Здесь останавливался Махатма, спеша по неотложному делу, и стояла здесь синяя скромная палатка. В то время, когда в Европе спорят о существовании Махатм, когда индусы проникновенно молчаливы о Них, сколько людей в просторах Азии не только знают Махатм, не только видели Их, но и знают многие реальные случаи Их дел и появлений. Всегда жданные, нежданно Махатмы творили в просторах Азии великую, особую жизнь. Когда нужно, Они проявлялись. Если нужно, они проходили незаметно, как обычные путники. Они не пишут на скалах имен Своих, но сердца знающих хранят эти имена крепче скал. Зачем подозревать сказку, воображение, вымы-

¹⁸ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. С. 254.

¹⁹ Рерих Николай. Листы дневника. В 3 т. Т. 3. М., 2002. С. 92.

²⁰ Рерих Николай. Сердце Азии. Southbury (Conn.): Alatas, 1929. С. 90.

¹² Рерих Н.К. Зажигайте сердца. С. 191.

¹³ Там же. С. 192.

¹⁴ Рерих Н.К. Письмо В.А. Шибаеву от 27.07.25 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 1. (Вр.) № 2531. Л. 10 об.

¹⁵ Рерих Н. Листы дневника. В 3 т. Т. 1. М.: МЦР, 1995. С. 203.

¹⁶ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. М., 1974. С. 169.

¹⁷ Там же. С. 249.

Храмы Урги (Улан-Батор).
Монголия. 1926–1927 гг.

Перевал Соджи-Ла, ведущий в Ле. Ладак. 1927

сел, когда в реальных формах запечатлены сведения о Махатмах.

В спешке, в случайном любопытстве – не узнаете даже простого химического опыта. Те, кто в бездельном наговоре касаются вопроса о Махатмах, разве они достигнут чего-либо? Разве их пустое любопытство будет удовлетворено? Сколько людей хотели бы получить письмо от Махатм, но разве оно изменило бы их жизнь? Оно вышло бы как минута изумления и смущения, а затем опять все вернулось бы к прежней рутине, без всякого следа.

Часто изумляются, отчего люди, знающие Махатм, так различны по своему общественному положению. Но отчего Бёме был сапожником? Неужели размер сознания измеряется лишь внешними отличиями? Дела Махатм и Их поручения ученикам рассказаны в литературе, которая совсем не так мала, как кажется незнающим ее. Эти дела касаются как внутреннего сознания, так и внешних событий мирового значения. И проявляются тогда, когда нужно.

Ученые часто называют разговоры о Махатмах предрассудком. Это те ученые, которые Махатм не

видели. Но Крукс или Оливер Лодж не станут так говорить. Вивекананда, всегда стоявший за рациональность наблюдений, знает Махатм <...> Они говорят о научных основах существования. Они направляют к овладению энергиями. Они говорят о тех победах труда, которые превратят жизнь в праздник. Все предлагаемое ими не призрачно, не эфемерно, но реально и касается самого всестороннего изучения возможностей, предлагаемых нам жизнью. Без суеверий и предрассудков. Разве ученики Махатм делаются изуверами, сектантами? Наоборот, они становятся особо жизненными людьми, побеждая в жизни и лишь ненадолго удаляясь в те далекие горы, чтобы омыться в излучениях праны. В самых темных местах Тибета знают о Махатмах. Знают много воспоминаний и легенд»²¹.

И запись из другого экспедиционного дневника: «Пройдя эти необычные нагорья Тибета с их магнитными волнами и световыми чудесами, прослушав свидетелей и будучи свидетелем, – вы знаете о Махатмах»²².

Заповедная страна, по утверждению Николая Константиновича, имела точное географическое

положение. «Некоторые указания, – отмечал он, – затемненные символами, указывали местонахождение Шамбалы на Памире, в Туркестане и Гоби». Все эти места назывались потому, что около Шамбалы люди живут в юртах и занимаются скотоводством. «...Но не забудем, – продолжал Рерих, – что горные киргизы в местностях Куньлуна также живут в юртах и занимаются скотоводством»²³.

Куньлунь упоминался Рерихом не однажды в связи с теми ориентирами, которые имели отношение к Заповедной стране. Этот же хребет фигурировал и в рассказах алтайских староверов о хождениях в поисках Беловодья. Этот путь, географически расшифрованный Рерихом, был частью маршрута Центрально-Азиатской экспедиции.

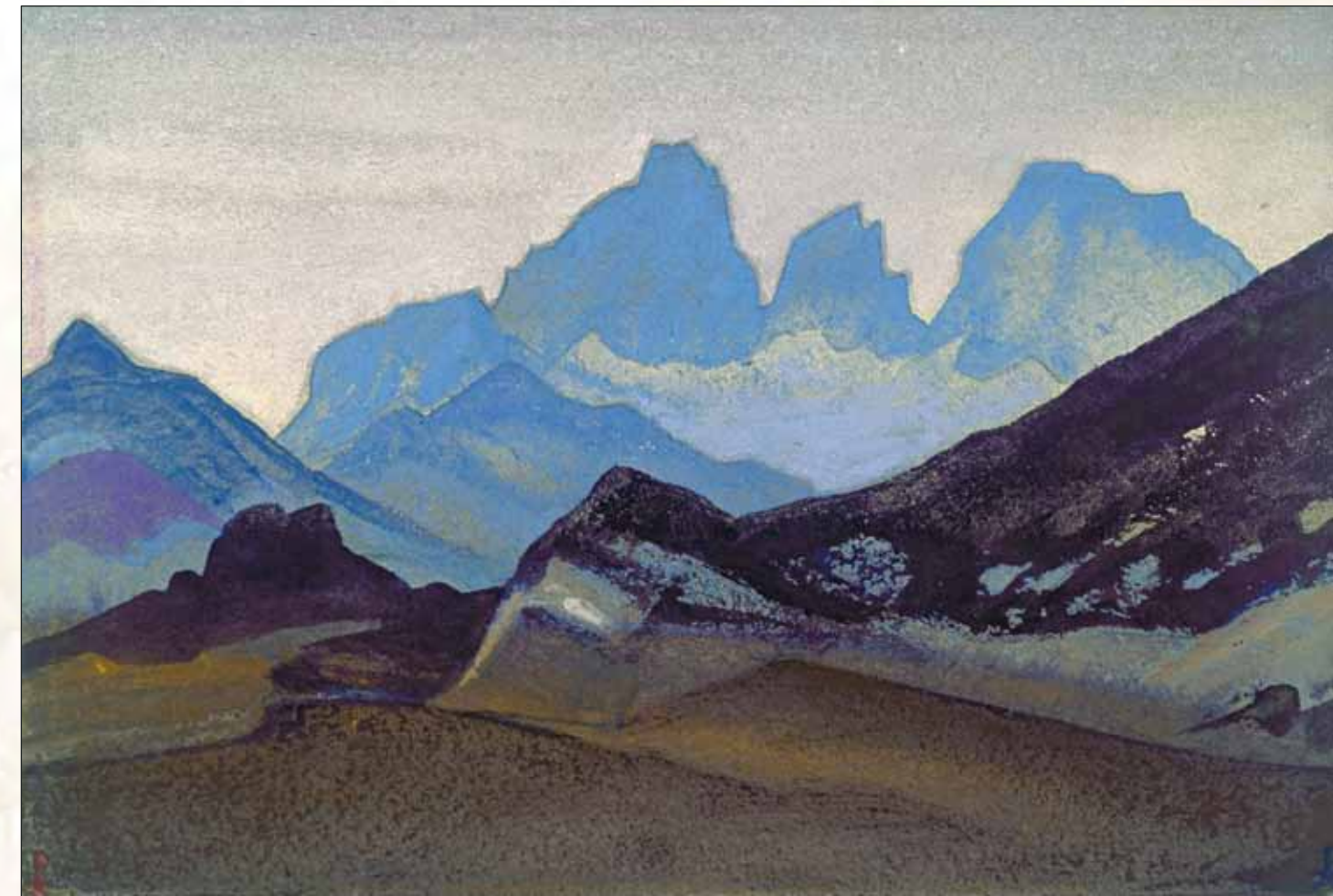
«...Географические указания места, – читаем мы в дневнике Николая Константиновича «Сердце Азии», – умышленно запутаны или произнесены неправильно. Но даже и в этом неправильном произношении вы можете различить истинное

географическое направление, и это направление, не удивляйтесь, опять ведет вас к Гималаям»²⁴. Но Гималаи – огромный горный район, похожий на лабиринт. И Николай Константинович расставлял по нему свои особые ориентиры, которые также совпадали с маршрутом экспедиции.

Никогда еще в XX веке, да и ранее, ученый-историк не давал такой глубокой реальной картины творчества метаисторического процесса, который был отражен на страницах Живой Этики, и необходимость его в синтезе с земным историческим процессом была доказана авторами этой философии Космической реальности. Николай Константинович сыграл важнейшую роль в мысли XX века, приняв самое активное участие в творчестве метаисторического процесса, доказав тем самым важнейшую его роль в земном историческом процессе. Метаистория, творимая «помимо историков», требовала восстановления своих прав, а ее сотворец доказал, что исследование земного исторического процесса

²³ Рерих Н. Сердце Азии. С. 129.

²⁴ Там же. С. 110.

Н.К. Рерих. Кузнь-Лунь (Черные отроги). 1937

²¹ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. С. 317–318.

²² Рерих Н. Сердце Азии. Southbury (Conn.): Alatas, 1929. С. 122.

Е.И. и Ю.Н. Рерихи на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции (1925–1927 гг.)

без учета его метаисторической, духовной части не только нарушает космический закон о том, что в каждом земном явлении есть две стороны – внутренняя и внешняя, духовная и материальная, надземная и земная, – но и делает такое усеченное исследование не наукой, а иллюзией. То историческое творчество, которое проводилось Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной на маршруте Центрально-Азиатской экспедиции под водительством их духовного Учителя, Космического Иерарха, ложилось в новое космическое мышление, в новую систему познания непреходящей их основой.

Космическая эволюция через эту экспедицию и своих земных вестников творила новый этап человеческого сознания, новый, более высокий виток самой космической эволюции. Те огромные трудности, которые оказались на пути Каравана, имели свою основу. Все новое, что приходит в наш трехмерный мир плотной материи, встречает сопротивление старого, Свет противоостоит тьме, Космос борется с хаосом. И английская разведка, и невежество китайских властей, и трусливая недоброжелательность советских чиновников – все это птенцы одного гнезда тьмы. Эта тьма действовала не только на самом маршруте Центрально-Азиатской экспедиции, но сопровождала творчество Н.К. и Е.И. Рериха нападками, клеветой и непреодолимой завистью. Харбинские фашисты, монархисты-эмигранты, фанатичные церковники и многие другие стояли на пути этого нового. Новое космическое мышление, которое несли Рерихи, должно было преодолевать темные завалы, создававшиеся невежеством и низким сознанием некоторых недостойных представителей человеческого рода.

XX век с его переломными моментами кончился. Наступил XXI век, свидетелями которого мы являемся. Мы видели, как распался Советский Союз, как потеряла ценность его идеология. Много изменилось. Но борьба старого с новым по-прежнему осталась. Традиционная наука и церковь стали постоянными союзниками в этой борьбе. В новой России Рерих по-прежнему остается целью для нападок. По-прежнему не понимается у нас философия Космической реальности. И если прежде такие деятели были только частью нашего общественного мнения, то теперь им присваиваются высокие ученые степени докторов наук. Не могу не упомянуть при этом нравственно не обремененных так называемых ученых, таких как В.А. Росов, Н.Е. Самохина, С. Аблеев и др.

Росову за диссертацию о Центрально-Азиатской экспедиции была присвоена докторская степень. Никогда еще «исследования» этой экспеди-

ции так грубо и невежественно не искажали ее облик и задачи. Николай Константинович Рерих здесь выглядит не крупнейшим культурным деятелем, выдающимся мыслителем и великим художником, а жалким политическим авантюристом, готовящим вооруженное нападение на Тибет, стремящимся создать в Центральной Азии независимое государство, куда войдет советская Сибирь, выступавшим против СССР на стороне Японии накануне Второй мировой войны, и т. д. и т. п.

Елене Ивановне Рерих, которая была творческим сотрудником Учителя в создании Живой Этики, досталось от Н.Е. Самохиной. Философия Космической реальности, с ее точки зрения, оказалась заурядным эзотерическим произведением. Пренебрежительно отодвинув в сторону работы по Рериху, сделанные российскими учеными и культурологами, Самохина объявила себя первой исследовательницей философского наследия Рерихов. Раньше тьма рядилась в белые одежды. Теперь она рядится в высокие ученые степени, которые этим ученым даруют такие же темные, с академическими званиями, люди. Можно лишь восхититься их изворотливостью и ловкостью, тем, как они ставят на пути нового космического мышления «остепененные» препятствия. Россия была первой в формировании нового мышления. Теперь она оказалась первой в присуждении докторских степеней за работы, порочащие наших великих соотечественников.

Метаисторическим творчеством Рерихов можно назвать еще два уникальных действия: Пакт Рериха о защите культурных и исторических ценностей во время вооруженного конфликта и Институт Гималайских исследований, созданный ими в Индии, в гималайской долине Кулу, где были заложены основы новой науки – синтеза метанауки и науки эмпирической. То и другое действия были важнейшими явлениями космической эволюции человечества.

Н.К. Рерих с тханкой Шамбалы. Монголия. 1927

С прискорбием можно отметить, что ни Пакт Рериха, ни законсервированный Институт Гималайских исследований не получили должного и достойного продолжения. Все остается в ожидании будущего. Но необходимо напомнить, что вечного будущего не бывает. Оно, проходя через настоящее, быстро превращается в прошлое. И от нас всех зависит, успеем мы реализовать это будущее или нет. Сможем ли мы, поймав ритм космической эволюции, подчиняясь ее импульсам, войти в ту истинно Новую эпоху, о которой так много было сказано Учителями и их учениками Рерихами, возвестившими новый виток в эволюции земного человечества.

А.А. Сазанов

Историческое значение визита Н.К. Рериха в Москву

Первав трансгималайское путешествие, негласно для мировой общественности, Н.К. Рерих с женой Еленой Ивановной и старшим сыном Юрием Николаевичем приехал, по предварительной договоренности с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным, в Москву. При оформлении въездных документов Николай Константинович указал, что выполняет миссию посланца Махатм Гималаев. 13 июня 1926 года он был принят наркомами Чичериным и Луначарским и вручил им послание Махатм, в котором было выражено одобрение действий советского руководства: «...Вы уничтожили мешанство, ставшее проводником предрассудков... Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины... Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов общего блага... Мы признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам всю нашу помощь... Привет Вам, ищущим общего блага!»¹ Кроме того, Николай Константинович передал наркомам ларец со священной землей, присланный Махатмами, и их записку: «Посылаем землю на могилу брата Нашего Махатмы Ленина». А в книге «Община» сказано: «Появление Ленина примите как знак чуткости Космоса»². По-видимому, наряду с этими посланиями наркомам были предложены устные разъяснения о Махатмах и их Учении Живой Этики (Агни Йоги), а также тексты первых книг Учения. К 1926 году Рерихи уже издали книги «Зов» (1924) и «Озарение» (1925) и закон-

чили работу над книгой «Община», обращенной в своей первой редакции напрямую к коммунистам, но еще не изданной. Сам факт обращения Махатм к правительству государства является настолько из ряда вон выходящим событием, что не позволяет сомневаться в чрезвычайной важности с их точки зрения налаживания контактов с Советской Россией. Но есть и иные свидетельства тому.

Духовный магнит. Обращение Махатм

В книге П.Ф. Беликова «Рерих (опыт духовной биографии)» сказано: «Если встречи с Посланниками Белого Братства в Лондоне, Нью-Йорке и Чикаго были неожиданными и кратковременными, то <...> встреча в Дарджилинге с Учителями М. и Д. К. <...> была продолжительной и запланированной. При встрече в Дарджилинге были получены инструкции о том, что надлежит сделать в ближайшие годы по Плану Владык, в том числе конкретные задания их главной миссии – поездки в Советскую Россию и передачи там “послания Махатм”. Главная цель экспедиции была, именно, – Москва и вообще Советский Союз, с которым надлежало установить связь. С этих пор Рерихи основное внимание уделяли этому»³.

Важность посольской миссии Рерихов в Москву рельефно характеризует дополнительный текст, вписанный Е.И. Рерих в личные экземпляры книги «Знаки Агни Йоги». Такие вставки, сделанные на полях или чистых страницах книг, имеют аналог в дневнике Елены Ивановны.

«Учитель должен сказать вам, достигшим границы московских клещей. Столетие каждое Мы предупреждаем человечество. Сегодня, в памятный день Нашего Владыки, Мы можем сказать, что вы совершили наиболее опасное поручение, перед которым мое обращение к Виктории и обращение Сен-Жермена к Людовику совершенно безопасны. Но вы ехали в гнездо безумия и привезли провозвестие, подвергаясь неслыханной опасности. Мы не знаем, кто бы принял подобное поручение. Теперь легко повторять, но первый шаг был труден. Теперь можете духовно отдохнуть. Мы лучше пересадим всю Б[елуху] на Ги[малаи], нежели будем подвергать вас вторично такой опасности» (24.04.27)⁴. Было бы слишком дешевым и поверхностным соблазном эксплуатировать эту запись как свидетельство непоследовательного и негативного отношения Учителей Живой Этики к стране, строящей социализм, и к коммунистической идее, поскольку это противоречило бы привезенному Рерихами в Москву посланию и смыслу книги «Община». Опасность и безумие, беспокоившие Махатм, могут быть связаны с общей напряженностью обстановки и несовершенством воплощения принципов общины в молодом государстве. Условия обостренной борьбы при ускоренном переходе от полуфеодального общественного строя к социалистическому могли быть изолированно использованы противниками планов Шамбалы для покушения на свободу и жизнь Рерихов. «Дети мои, вы не замечаете, какая битва идет вокруг вас, темные силы тайно и явно сражаются»⁵.

Кроме того нельзя было исключить, что даже искренние сторонники коммунистической идеи, к которым обращались Махатмы, отнесутся к учению Живой Этики как к идеологии, враждебной позициям классического научного мировоззрения в понимании закономерностей природы и общества. Это и оправдалось, хотя в смягченной форме, не приведшей к репрессиям. Чичерин резюмировал свои впечатления о Рерихе в двух словах: «полукommунист – полубуддист», очевидно подразумевая, что первое достоинство перечеркивается вторым недостатком. Кремлевские собеседники Николая Константиновича не придали серьезного государственного значения его миссии посла неизвестной им Шамбалы и не усмотрели философской глубины в предлагаемом взгляде на мир. По-видимому, мировоззрение было сочтено мистическим и не-

приемлемым, а реальность Шамбалы и ее могущества – неубедительной.

К тому же в 1926 году энтузиазм борьбы за социализм нарастал в стране и коммунисты не ощущали потребности углублять притягательность своих идеалов мировоззренческими представлениями, не укладываясь в рамки почитаемой ими марксистско-ленинской философии. Им в голову не могло прийти, что наступит время, когда в стране победившего социализма люди разочаруются в идеях, внушаемых с детства, и в смятении умов допустят разрушение достижений предшествующих поколений. Руководители Коммунистической партии отождествляли материалистическое мировоззрение (сторонниками которого в углубленном смысле утверждают себя Махатмы) с более узким его аспектом в виде классической картины мира, не ведая того, что последняя уже не выражала к 1926 году передовых позиций в науке. В первой четверти XX века научный фундамент классической физики уже не был таким незыблемым, каким продолжал казаться неспециалистам, и классическая картина мира начала утрачивать роль катализатора научного и общественного развития, превращаясь постепенно в тормоз того и другого.

Как отзвук сожаления о несостоявшемся контакте с руководством Советской страны, находим слова Учителя в тексте книги «Община», изданной Рерихами по возвращении в столицу Монголии Угру (Улан-Батор) в 1927 году: «Мои предложения не приходят в спокойный час. Костер может быть раздут или потушен. Мы не любим глухое ухо. Истинный коммунист гибок, подвижен, понятлив и смел. Именно Ленин охватил бы пришедшую минуту Азии. Где же ученики? <...> Жду, жду, иначе не пройдете. Говорю решительно. <...> Кому же собрали мы жатву? Конечно, Общине Мира. <...> Жду, жду, жду! Время близко и благоприятно, если приблизиться без предательства и тупости»⁶. Эти слова могли быть оставлены коммунистами без внимания в 1927 году, но в наши дни их актуальность и программная значительность буквально бьют в глаза, как яркая вспышка света. Ведь коммунизм и в самом деле не прошел, натолкнувшись после семидесяти триумфальных лет на айсберг предательства и тупости в руководящих кругах и в народной толще.

По нашим человеческим меркам, посольская миссия Рерихов в Москву выглядит как неудавшаяся и бесплодная, поскольку советское руководство не только не проявило серьезного внимания

¹ Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к родине // Международная жизнь. 1965. №1. С. 104–105.

² Община (Урга), 2, IV, 2.

³ Беликов П.Ф. Рерих (опыт духовной биографии). Новосибирск, 1994. С. 260–261.

⁴ Агни Йога. М.: МЦР, 2008. С. 377.

⁵ Зов (Листы сада Мории. Кн. 1). 17.11.1921.

⁶ Община (Урга), 2, V, 3.

и интереса к обращению Махатм, но даже скрыло факт этого обращения, информация о котором появилась в печати с задержкой в четыре десятилетия⁷. И встает вопрос, как могли высокочудные и дальновидные Учителя Живой Этики не предвидеть этого, а предвидя, не отказаться от бесполозидной затеи, к тому же не безопасной с их точки зрения для посланцев? Однако именно подобные недоумения должны побудить нас заняться с сугубой пристальностью и углубленностью анализом действий Махатм, вместо того чтобы давать им легковесные оценки. Необходимо обратить внимание на характерные особенности посольской миссии Рерихов в Москву и общую историческую обстановку в момент этой акции, равно как в предшествующие ей и последующие десятилетия. Такой анализ позволит нам осознать глубину, напряженность, серьезность участия высокого Братства в решении проблем эволюции человечества и увидеть в обращении Махатм к коммунистам закладывание духовного магнита, действие которого рассчитано именно на рубежный этап XX–XXI веков, когда решается вопрос о прорыве земной цивилизации через нависшие над ней экологические и социальные угрозы в космическое будущее.

Посольство Н.К. Рериха в Москву от имени Махатм осуществлено с соблюдением трех важнейших принципов общения Высшего Разума с людьми: 1) не затрагивать карму, 2) избегать навязчивости, 3) начинать в малом начертании. В книгах Живой Этики есть прямые указания на эти принципы. «...Помните условие водительства – не затрагивать кармы»⁸. «Учение может открыть дверь, но войти можно лишь самому. <...> Учитель ничем не может подвинуть <...> сознание, ибо каждое внушение нарушало бы личное достижение»⁹. «Мы можем жестом передвигать дела. Но жест Наш не поможет вашей карме»¹⁰. То же говорится и в «Гранях Агни Йоги»: «Воля человека свободна... <...> Мы Можем предупредить <...> подать Совет и направить, Можем подсказать решение, но подавить чужую волю или ее сломить не имеем права, ибо священна она. <...> Но зато можно свободно прилагать даже к малейшей крупице добра и воли, устремляющейся к добру и созиданию. Мы готовы помочь, но дайте то, к чему можно было бы приложить нашу силу»¹¹.

Нам по-человечески нелегко понять такую щепетильность в следовании принципу ненасилия ради невмешательства в карму, особенно если это оборачивается (по нашему мнению) попустительством торжеству враждебных и заведомо темных сил. Когда нам противостоят некоторые примерно равные нам по силе противники, то мы считаем своим правом и благом долгом подчинить их нашей воле или даже уничтожить ради достижения наших целей. Для того же, чтобы понять причины запрета на физическое насилие в христианстве («но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»¹²) – и даже на психическое принуждение в Учении Живой Этики, необходимо приблизиться к правильному представлению о целях Космического Разума. Высший Разум не приемлет принудительной вербовки своих сотрудников. Его целью по отношению к людям является выращивание из них самостоятельных, умелых, дальновидных, надежных, стойких творческих участников созидательных процессов во Вселенной. Этого нельзя достигнуть, ущемляя свободу выбора человека в принятии решений и тем освобождая его от ответственности за последствия совершаемых им поступков. Махатмы Гималаев, как ближайшие доступные нашему пониманию представители высших сфер Разума, легко могли бы добиться нашего почитания и послушания, да не это им нужно. «Нам тесно от людского почитания»¹³. «Наш идеал – не Учителями быть, но Сотрудниками. Но для этого нужно твердое сознание, что обоюдно будет принесено на пользу решительно все. Когда признаки такого принесения явлены, тогда создается овладение физическим миром»¹⁴.

Принятие сотрудничества с Шамбалой могло уберечь народ и страну от многих бедствий, но с точки зрения глубоких и дальновидных принципов космической этики законно и благотворно лишь хорошо осознанное следование высшим указаниям при полной мобилизации собственных целеустремленных усилий ведомого. Если этого нет, то полезней для эволюции и усвоения ценности истин пройти через опыт ошибок, обусловленных пренебрежением советами мудрости. Именно грандиозность задач, к решению которых должны подниматься люди, безграничность суж-

денных людям возможностей делают недопустимым ограничение свободы воли человека со стороны Высшего Разума.

Махатмы советуют и людям не прибегать к насильственным мерам. «Всякая насильственность осуждена. Насильственное рабство, насильственный брак, насильственный труд возбуждают возмущение и осуждение. Но из всех насилий самое преступное и уродливое зрелище является насильственная коммуна. Каждое насилие обречено на реакцию, а самое худшее насилие обречено на реакцию самую худшую»¹⁵. Здесь перечислены примеры насилия с применением физической силы и административной власти. К насилию психического типа относится навязчивое миссионерское зазывание. «Опасайтесь навязывания не только в отношении чужих зазываний, но чтоб и самим не сделаться навязчивыми. Невозможно исчислить вред навязывания, и нельзя без презрения увидеть, как на базаре продается Учение с уступкой <...> сознающее свое значение Учение не будет выступать себя на базаре. Только исключительное невежество последователей может поставить Учение в позорное положение лжи и пресмыкания <...> тонка черта между утверждением и навязыванием. Часто легко унижить себя не по цели. <...> Поэтому только качество, но не количество»¹⁶.

Отказ от насилия и навязывания не означает отказа от борьбы за идеалы и цели учения Живой Этики. Но борьбу следует вести методами убеждения, апеллирующего только к искренне заинтересованному сознанию. Упомянутая выше «тонкая черта между утверждением и навязыванием» должна быть осознана с полной недвусмысленностью, для чего будет полезна аналогия с освоением научных представлений. Глубокие теории науки тоже не нуждаются в вербовке верующих сторонников, хотя полезность расширения круга людей, способных понимать эти теории, очевидна. Поэтому ученые считают своим долгом прокладывать для всех заинтересованных пути восхождения к завоеванным первопроходцами вершинам познания. Таинство посвящения в науку совершается через освоение дифференциального и интегрального исчислений, алгебраической теории пространств, теорий строения атомных ядер,

атомов и молекул, математического аппарата синергетики и т. д. Главным результатом такой деятельности становится расширение и углубление сознания, а только на этой основе и формируются убеждения, обладающие наибольшей стойкостью и вместе с тем освобожденные от фанатизма и узости слепой веры, способные восходить к вершинам духовности.

Поэтому, осуждая навязывание, учение Живой Этики призывает к использованию психической энергии убеждения для утверждения целей и принципов, способных выдержать самую суровую проверку на истинность с помощью теории и практики. «...Община Мира суждена – значит элементы, не вместилище понятия общины, должны быть убеждены в ее непреложности. Не словами ли убеждать? Но не слова, но мысль убеждает и перерождает сознание. Мысль может быть обострена лишь психической энергией. Развитие этой энергии дает выход созидателям общины. Если они сами убеждены в непреложности общины, никто не может запретить им послать мощную мысль для убеждения противников»¹⁷.

Книга «Община» изобилует свидетельствами того, что Учителя Живой Этики придают важнейшее значение переводу земного человечества на общинный образ жизни. Вот лишь некоторые из высказываний. «Община есть единственный разумный способ человеческого сожития. <...> Только из общины мы можем мыслить о будущем, и перенесем сознание на улучшение всей жизни, и борьба за существование сменится завоеванием возможностей»¹⁸. «Истинно, только щит общины может осмыслить пребывание на земле. <...> Вы понимаете, что без общины Земля жить не может»¹⁹. «Нет на Земле выше данного плана Общего Блага»²⁰. «Утверждающий общину способствует ускорению эволюции планеты»²¹. «Около общины должна быть вдохновенность»²². «Община есть вместилище всех возможностей и всех накоплений. Каждый умахующий границы и мощь общины становится предателем. Община – чаша солнечной радости!»²³ «Часто обвиняют общину в насилии над свободой личности. Это обвинение приложимо к любому компромиссному строю, но не к общине. В сознатель-

¹⁵ Община (Урга), 3, II, 3.

¹⁶ Община (Рига), §129.

¹⁷ Община (Урга), 3, II, 3.

¹⁸ Там же. 3, I, 12.

¹⁹ Там же. 1, XI, 2.

²⁰ Там же. 2, VIII, 7.

²¹ Там же. 3, I, 23.

²² Там же. 2, X, 8.

²³ Там же. 3, II, 21.

⁷ Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к родине // Международная жизнь. 1965. № 1. С. 96–107.

⁸ Озарение (Листы сада Мории. Кн. 2). 2, IX, 10.

⁹ Община (Урга), 1, XI, 3.

¹⁰ Зов (Листы сада Мории. Кн. 1). 12.04.1922.

¹¹ Грани Агни Йоги. В 14 т. Т. X. Новосибирск, 1996. С. 70. 21.03.1969.

¹² Мф., 5, 39.

¹³ Озарение (Листы сада Мории. Кн. 2). 3, I, 4.

¹⁴ Там же. 2, VII, 9.

ной общине место есть для каждого труда. Может каждый выбрать труд по желанию»²⁴. «Широко Мое Дело, всем дано место. Шириною взгляда отмерьте свой кусок. Явление неслыханных возможностей за дверями – дайте радоваться Нам»²⁵. «Все сознающие общину, движутся вперед <...> против общины будет говорить лишь тот, кто начал двигаться назад, входя в состав космического сора. <...> Для Нас Община является сложившимся делом жизни. <...> Общину будем защищать силами знания»²⁶. «Каждый ребенок рождается общинником, но зараза от земного строя входит в него от второго дня. <...> Можно ли в обиходе собственности воспитать сознание Общего Блага?»²⁷ «Пока кто-то думает, что община есть опыт, до тех пор община будет находиться в банке алхимика. Только твердое осознание исторической необходимости введет общину в жизнь. Думайте, думайте сурово о непреложности общины»²⁸. «Радость познания должна стать преимуществом общины»²⁹. «Будут процветать мировое обновление и община!»³⁰

А вот что писал А.П. Синнету³¹ Махатма Мория в феврале 1882 года: «Лишь тот, в чьем сердце живет любовь к человечеству и кто способен в совершенстве постичь идею возрождения на практике всеобщего Братства, только тот имеет право обладать нашими тайными учениями. Лишь такой человек никогда не злоупотребит своими силами, и можно будет не опасаться, что он обратит их на себялюбивые цели. Человек, который не ставит благо человечества выше своего собственного блага, не достоин стать нашим учеником»³².

При таком понимании задач эволюции земного человечества могли ли Учителя Живой Этики остаться безучастными к назреванию революционных настроений во второй половине XIX века и к первому опыту построения социалистических производственных отношений в начале XX века? О проявлениях их участия еще до социалистической революции в России можно судить по некоторым высказываниям в книге «Община». «Уже

Говорил, что Наши представители посетили Маркса в Лондоне и Ленина в Швейцарии. Явно было произнесено слово *Шамбала*. Разновременно, но одинаково оба вождя спросили: «Какие признаки времени Шамбалы?» Ответено было: «Век истины и Мировой Общины». Оба вождя одинаково сказали: «Пусть скорее наступит Шамбала». Словами вождей измеряем наследников»³³. «Мы знаем книги Маркса и Энгельса, даже наши представители, в свое время, беседовали с Марксом. Все их положения легко востребованы нами»³⁴. Популярный сейчас антикоммунизм побуждает относиться к этим высказываниям с недоверием или пренебрежением. Но ведь есть еще фактическая достоверность исторических процессов.

Конец XIX века ознаменовался апофеозом классического научного мировоззрения в его противостоянии религиозному мировоззрению. Учителя Живой Этики как поборники реального знания настаивают на широкой пропаганде научных достижений. «Утверждайте материю во всем ее многообразии и единстве!»³⁵ «Необходимо проверить программы школ и усилить линию материально достоверного познания. Идеализм суеверия загоняет людей в щели ужаса. Необходимо это выпрямление школьного мышления провести немедленно, иначе еще одно поколение недоумков будет позорить планету. Нужно усилить естествознание, поняв значение этого слова. Биология, астрофизика, химия привлекут внимание самого раннего детского мозга. Дайте детям возможность мыслить!»³⁶ «Нужно до такой степени обосновать материализм, чтобы все научные достижения современности могли войти конструктивно в понятие материализма. <...> Мы, материалисты, имеем право требовать уважения и познания материи. Друзья, материя не навоз, но вещество, сияющее возможностями. Нужда человечества – от презирания материи. Настроены храмы, где востребована помощь для обмана и убийства, но не воспеты гимны знанию!»³⁷ «Не верьте, но знайте!»³⁸ «Истинно, там, где горит огонь знания, суждено светлое

будущее. Знание есть врата к Братству. Не будем удивляться, если заложение Братства начнется от синтеза наук»³⁹.

И вместе с тем Махатмы внедряют в общественное сознание представления о более глубоких и высоких знаниях через Елену Петровну Блаватскую, книги которой были встречены с резкой неприязнью большинством деятелей науки, но проложили путь к лучшему восприятию космической информации, предложенной полувеком позже через Рерихов.

Таким образом, Махатмы с большой убедительностью, но незаметно для непосвященных выступили в роли соучастников и дальновидных руководителей эволюции нынешней цивилизации. Они видели то, что теперь необходимо осознать и нам.

Своевременность открытия сокровенных истин

Сегодня становится особенно ясно, что овладение глубинными свойствами материи, дающее могущественные средства воздействия на процессы в Мире Плотном, должно предвзраться или хотя бы сопровождаться совершенствованием общества в смысле его способности подчинять свою деятельность целям общего блага. К служению общему благу призывали выдающиеся представители утопического социализма. Несравненно большую убедительность получило развитие этих идей в научном социализме, вдохновившем своих последователей на практическое переустройство жизни общества. Как не обратить внимание в этой связи на поразительную синхронизацию основных вех тридцатилетия революции в физике с тридцатилетием подготовки и осуществления социалистической революции при активной руководящей роли Ленина (1893–1924)? В 1892–1895 годах Х.А. Лоренц⁴⁰ предложил свои знаменитые преобразования, получившие более глубокое объяснение в специальной теории относительности и в модели мира Минковского. В 1896 году А.А. Беккерель⁴¹ открыл явление радиоактивности, с которого началось изучение структуры атомов и ядер химических элементов, а к 1926 году уже была построена волновая квантовая механика Э. Шредингера⁴², причем в тот же проме-

жуток времени уложилось создание обеих теорий относительности и теоретическое открытие в 1922–1924 годах расширения Вселенной А.А. Фридманом⁴³. Если с традиционных позиций антропоцентризма и космической изолированности земной цивилизации можно считать это совпадение случайным, то нельзя все-таки не признать его исторически весьма уместным.

В книгах Живой Этики уделено большое внимание тому, что ограниченность классических научных представлений о закономерностях природы и общества несовместима с теми задачами эволюции, которые stanовятся в повестку дня перед земным человечеством уже в XX веке. Если во второй половине XIX века изложение Учения Махатм в книгах Е.П. Блаватской представлялось неприемлемым с точки зрения классического научного мировоззрения, то к началу второй четверти века XX в науке уже сформировались предпосылки для плодотворного синтеза человеческих познаний с космическим мировоззрением Живой Этики.

С высоты минувших восьми десятилетий мы можем понять, что время для космического оповещения руководства революционной страны в 1926 году было выбрано Махатмами оптимально – не раньше, чем можно, и не позже, чем нужно. Физика к этому времени подошла вплотную к открытию и практическому использованию закономерностей материальных форм более глубоких и тонких, чем материя Плотного Мира. А исторический опыт свидетельствует, что преждевременная информация о Тонком Мире и возможности жизни сознания в нем воспринималась неразвитым сознанием людей в искаженном смысле и вместо стимулирования свободного творчества сковывала общество религиозным фанатизмом и лицемерием. Во избежание таких отрицательных последствий можно приоткрыть перед людьми сокровенную тайну бытия не раньше, чем они сами подойдут к ее осознанию в собственных исследованиях природы. *Не раньше* – это одна из границ благоприятных сроков.

Но есть еще и другая граница – *не отоздать* с открытием. Прочно укоренившаяся привычка придавать первенствующее значение материальным формам и событиям Плотного Мира может побудить людей использовать неправильно, во вред себе, то могущество, которое дается на-

³⁹ Братство, 1937 год, § 427, 428.

⁴⁰ Хедрик Аттон Лоренц (1853–1928) – нидерландский физик, лауреат Нобелевской премии.

⁴¹ Антуан Анри Беккерель (1852–1908) – французский физик, лауреат Нобелевской премии.

⁴² Эрвин Шредингер (1887–1961) – австрийский физик-теоретик, создатель волновой механики, лауреат Нобелевской премии.

⁴³ Александр Александрович Фридман (1888–1925) – русский советский математик и геофизик, создатель нестационарной модели Вселенной.

²⁴ Община (Урга), 3, I, 14.

²⁵ Озарение (Листы сада Мории. Кн. 2), 2, I, 3.

²⁶ Община (Урга), 2, X, 13.

²⁷ Там же, 2, XI, 6.

²⁸ Там же, 3, I, 3.

²⁹ Там же, 3, I, 10.

³⁰ Там же, 2, XI, 8.

³¹ Альфред Перси Синнет (1840–1921) – английский журналист, редактор газеты «The Pioneer» (Аллахабад, Индия), теософ, писатель.

³² Письма Махатм. Самара, 1993. С. 169, письмо 36.

³³ Община (Урга), 3, II, 26.

³⁴ Там же, 2, X, 19.

³⁵ Там же, 2, XI, 2.

³⁶ Там же, 2, XI, 23.

³⁷ Там же, 2, X, 9.

³⁸ Там же, 2, X, 5.

учно-техническим познанием законов, управляющих построением и разрушением плотных телесных форм. Общество, расчлененное на антагонистические группы, сосредоточенные на борьбе за обладание вещами и властью, не должно, а по законам Космической разумной жизни, видимо, и не может без риска саморазрушения получить доступ к глубинным и мощным воздействиям на мир плотных тел. С другой стороны, дело нравственного совершенствования общества не будет иметь под собой надежной основы, если оно не опирается на глубокое понимание закономерностей материального мира. Без такого понимания люди будут иметь весьма узкое и поверхностное представление о своем месте и роли в мироздании, о своих способностях и возможностях, соответственно чему выстраивается шкала ценностей, которыми люди действительно серьезно руководствуются в повседневной жизни, отодвигая на второй план служение общему благу.

«...Никто не может остаться при младенческом понимании реальности. Ленин мыслил широко и понимал материю. Неужели вы не можете хотя бы частично следовать за вождем? Младенческий материализм явится дурманом для народа, но материализм просвещенного знания будет лестницей победы. Без отрицаний, без суеверий, без страха пойдете к истинной общине. Без чудес, беспоклонно найдете ясную реальность и киркою испытателя будете вскрывать закрытые глубины. Полюбите бесстрашие знания»⁴⁴. «Учение материализма представляет мир богатым, радостным и увлекательным. Нигде не указаны вериги и бичевания. <...> Яркое светит познание бесчисленных свойств материи»⁴⁵. О том же писал В.И. Ленин в 1908 году: «...для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны»⁴⁶; «Материя исчезает» – это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше познание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными... и которые теперь обнаруживаются как относительные, присущие только некоторым

состояниям материи»⁴⁷. «Мы как опытные материалисты можем видеть вред нетерпимости, основанной на грубейшем незнании. Где же реальность, когда мышление стеснено, вместо тысячи знаков знает лишь пять! Утверждение становится искажением, если заранее скован стереотип условностей. <...> Строитель не может фантазировать о почве под зданием. Такое положение тем более преступно, что материальное воззрение дает самые неограниченные законные возможности. Фетишизм по существу своему ограничен. Но именно материя уявляет победу при понимании свободы. Материалисты должны быть свободными, иначе свет материализма погрузится во тьму фетишизма»⁴⁸.

Махатмы неоднократно подчеркивают, что совершенствование образа жизни отдельных людей и всего человечества на путях движения к общине может происходить успешно лишь в неразрывной связи с углублением знаний о природе и овладением богатством возможностей, заключенных в материи. «Не надо думать, что община и завоевание материи находятся в разных плоскостях. Одно русло, одно знамя – Майтрейя, Матерь, Материя!»⁴⁹ «Желающий посвятить себя истинному коммунизму действует в согласии с основами великой материи»⁵⁰. Путь к совершенной общине нелегок: «Никогда не говорил я о легкости проведения коммунизма»⁵¹. «Не может быть коммунизм, ограничивающий свое сознание»⁵².

Эта краткая подборка цитат свидетельствует, что посольство Н.К. Рериха в Москву было нацелено на далеко идущие последствия. Могли ли Учителя Живой Этики ожидать, что руководство Советской страны, и тем более научная общественность, сразу воспримут предложенное космическое мировоззрение? Скорее они сочли бы такой результат даже нежелательным, нарушающим принцип Христа: «Руками и ногами человеческими строится мировая община – в этом лежит красота построения»⁵³. И вряд ли Махатмы рассчитывали совершить грандиозную перестройку сознания и образа жизни человечества за полтора десятилетия перед Второй мировой войной. Решать эту задачу неотложно надлежит

нам в начале XXI века. Ведь не слепая вера нужна, а основанная на знании убежденность. «Что же должны ожидать те, кто предложит миру нововведение, в которое, если и будет уверовано, то благодаря человеческому невежеству, это конечно будет приписано темным силам, в которые верят и которых страшатся две трети человечества? <...> Мы не сомневаемся, что представители вашей науки открыты убеждениям, тем не менее, факты сначала должны быть доказаны им, должны сделаться их собственностью, должны отвечать, подчиняться их способам исследования, только тогда они сочтут их допустимыми в качестве фактов. <...> Это относится и к науке, насколько мы ознакомлены с нею. Что же касается человеческой природы вообще, она такая же сейчас, какою она была миллионы лет тому назад: предрассудки, основанные на себялюбии, общее нежелание отказаться от установленного порядка вещей ради нового образа жизни и мыслей <...> гордость и упрямое сопротивление Истине, если это ниспровергает их прежние понятия вещей. <...> И мы знаем, пока наука не научится чему-нибудь, и пока тень догматизма коснеет в сердцах масс, мировые предрассудки должны быть побеждаемы шаг за шагом, а не натиском»⁵⁴. «Окультурная наука не такая, в которой секреты могут быть сообщены сразу посредством письменных или устных наставлений <...> знание может быть сообщено только постепенно; и некоторые из высочайших тайн, если их сформулировать даже для вашего, хорошо подготовленного уха, прозвучали бы для вас, как безумная тарабарщина»⁵⁵.

Учителя Живой Этики ясно говорят, что просвещающее и освобождающее действие высшего знания может реализоваться благотно лишь при том условии, что люди сами устремятся к нему, как к наиболее желанной ценности, собственными усилиями дойдут до истин космической значимости и на собственном опыте убедятся в их непрерывности. «...Для Земли все должно совершиться на земном плане. В этом главная причина бытия Братства здесь. Потому по Земле надо дойти до Нас, открыть Нас как руду серебряную, лучшую под корой Земли»⁵⁶. Тому же учил Христос: «...покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»⁵⁷; «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все

(земные блага. – А.С.) приложится вам»⁵⁸; «Присите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам»⁵⁹.

То, что важность понимания и исполнения принципов, провозглашенных Христом, пришлось утверждать спустя 19 столетий как новое учение, к которому с недоверием относятся научные круги и церковь, свидетельствует не только о необходимости пройти через богатый опыт ошибок и достижений, но и о том, что высшие разумные силы неукоснительно следуют правилу невмешательства в индивидуальную и общепланетную карму людей. Вместе с тем человечество не оставлено без духовной помощи, которая однако противоположна навязыванию властным принуждением или давлением авторитета. Внедрение новых течений мысли и деятельности начинается с акций, которые мало заметны для широкой публики и не производят на нее вначале большого впечатления.

«Мы начинаем всегда в очень малом начертании, – говорят Махатмы. – Это опыт очень многих веков и основной космический принцип. Зерно твердое и неделимое даст нарастание элементов»⁶⁰. О том же свидетельствуют поступки Иисуса Христа и евангельская притча о горчичном зерне. «Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его»⁶¹. Смысл этой притчи применительно к духовной эволюции каждого человека заключается в подчеркивании больших возможностей роста сознания, которое, начав с малого, способно сохраниться за пределами земной жизни и неограниченно развиваться в Царстве Небесном.

Так же развиваются на Земле все жизнеспособные структуры, от растений и животных до общественных организмов. Так утверждалось в истории человечества само христианское учение. Таким путем происходит и развитие наук. Начинать в «малом начертании» – привилегия великой творческой потенции и непреложности предвидимого направления эволюции. Что нам в нетерпеливом людском желании немедленного достижения цели может казаться безуспешной

⁴⁴ Община (Урга), 2, X, 7.

⁴⁵ Там же, 3, III, 20.

⁴⁶ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Собр. соч. Т. 18. 5-е изд. М., 1961. С. 130. Гл. II, § 4.

⁴⁷ Там же, С. 275. Гл. V. § 2.

⁴⁸ Община (Урга), 3, I, 8.

⁴⁹ Там же, 2, VIII, 4.

⁵⁰ Там же, 3, I, 12.

⁵¹ Там же, 2, XII, 4.

⁵² Там же, 2, X, 7.

⁵³ Община (Урга), 2, XI, 22. Криптограммы Востока. М.: МЦР, 1992. Знаки Христа.

⁵⁴ Письма Махатм. Самара, 1993. Письмо 1. 15.10.1880. С. 10–15.

⁵⁵ Там же. Письмо 17. 05.08.1881. С. 98–100.

⁵⁶ Озарение (Листы сада Мории. Кн. 2). 2, I, 8.

⁵⁷ Мф., 4, 17.

⁵⁸ Мф., 6, 33.

⁵⁹ Мф., 7, 7.

⁶⁰ Община (Урга), 2, IX, 7.

⁶¹ Мф., 13, 31–32.

попыткой, то высокоразумные существа совершают как посев твердых зерен, из которых вырастут ожидаемые построения.

Посольская миссия Н.К. Рериха в Москву в 1926 году осуществлена ненавязчиво, как «начало в малом начертании». Даже будучи почти незаметной для широкой общественности того времени, она теперь оказывает на нас сильное убеждающее воздействие как задокументированное утверждение реальности Учителей, от имени которых написаны книги Живой Этики, и как провозвестие высшего эволюционного значения дела построения общины. Эта миссия в наши дни эффективно привлекает внимание к Учению, которое обладает в качестве «твердого зерна» глубиной и всеохватностью, способной не только покрыть древнюю мудрость великих мировых религий, но и ответить на запросы новейшей науки и общественных движений. «Для одного мы Махатмы, для другого ученые, для третьего повстанцы, для четвертого комитет революционеров, но само учение покрывает все надежды коммунистов»⁶².

Пауза перед новой стадией развития

Человечество пока настолько несовершенно в социальном, научном и нравственном отношениях, что еще не настала пора Шамбале изменять свой обычай лишь раз в столетие вступать в открытый прямой контакт с отдельными избранными людьми. Но первая в писаной истории не подавленная в зародыше попытка строить общину в масштабах крупного государства заслуживала знаков специального внимания и поощрения со стороны Махатм, хотя они не могли не видеть многих недостатков в этой попытке. «Видя несовершенство России, можно многое принять ради Ленина, ибо не было другого, кто ради общего блага мог бы принять большую тяготу»⁶³.

Но в книге «Община» содержатся предостережения против поспешных разочарований, предающих великое строительство. «Когда человек попадает в несовершенную общину, в ужасе он устремляется в противоположность – это неправильно. Понявший несовершенство, должен начать более совершенное... Неудача одной общины должна быть поводом к новым общинным

построениям... Умейте в несовершенстве найти возможности!»⁶⁴ «Зная несовершенство половины новых явлений, предугадывая хитрость уловков старого мира, мы всегда остаемся в мире несовершенном и новом. Все знаем, все оцениваем и взрываем старые мосты»⁶⁵. «Новая жизнь еще плохо острюгана, сущность эволюции еще не выражена. Но кто знает, куда идет, тот обойдет грязь пути»⁶⁶. «Конечно, вы всюду найдете сомнение... Не обращайтесь внимания на рассуждения незнающих. Одно важно, считать мировую общину, как необходимость эволюции. Незнание, упрямство, подлость не могут служить препятствием установлению общины. Необходимо признать непреложность эволюции общинного начала»⁶⁷.

Сейчас Россия и человечество находятся на переломном этапе эволюции, когда космическое Учение Шамбалы настоятельно необходимо для того, чтобы избежать сползания к глобальным катастрофам и сконцентрировать внимание широчайшей общественности на задачах прорыва цивилизации в космическое будущее. И становится видно, что поиски путей спасения и прогресса приходится начинать не с чистого листа, а на уже заложенном фундаменте социальных исканий и духовных устремлений. Историческую типичность подобных ситуаций отметил еще Карл Маркс: «Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления»⁶⁸. Достижения науки XX века (три великих мировоззренческих открытия) и опыт общественных отношений высветили глубокий реализм мировоззрения Живой Этики, которое теперь начинает осваиваться уже на путях научного мышления, превратившегося в столбовую дорожку прогресса человечества за последние четыре столетия.

Хотя основные результаты научной революции были получены уже в первой четверти XX века, углубленное и многостороннее осмысление их не завершено по сей день, и только с позиций высшего знания можно было увидеть в 1926 году их актуальность на столетие вперед. А теперь уже и нам пора ясно осознать, что

русский народ всей своей историей подготовлен к тому, чтобы первым сделать решающий шаг к космизации в образе мышления и практической деятельности. Ему пришлось с особенной остротой переживать расхождение между озарением светом христианской веры и искаженной реализацией ее в государственной и церковной жизни. Расхождение было не только прочувствовано и осознано им, но и воплощено в социальной борьбе отрицающих друг друга направлений как тезиса и антитезиса в диалектической триаде. Каждое из этих направлений, будучи односторонним (православие без социальной справедливости, коммунизм без космической глубины духовности), имело необходимые дополнения в своей противоположности. Наблюдаемый сейчас откат от устремленности к классическому идеалу коммунизма представляется поверхностным взглядом возвращением к пройденному исторически этапу православного тезиса с идеализацией его несовершенств в мировоззрении и образе жизни. Но с точки зрения потребности эволюции это отрицание отрицания может быть лишь паузой перед назревшим переходом к стадии синтеза, который не будет нести уничтожения ни коммунизму, ни православию, но, выявляя неискаженную плодотворную сущность того и другого, обогатит Россию и все человечество пониманием глубины и широты космической Этики.

В книге «Братство» дано специальное разъяснение роли России в задаче космического одухотворения земного человечества. «...При изучении Наставлений следует иметь в виду не только содержание их, но и язык, на котором они даны. Учение дается не без причины на определенном языке <...> данный язык показывает, какому народу надлежит проявить ступень восхождения. <...> Так язык, на котором дается Учение, своего рода дар известному народу. Не подумайте, что тем самым учение теряет свое мировое значение. Каждая истина общечеловечна, но каждый период имеет свое задание, и каждый народ имеет свою обязанность. Немало времени требуется, чтобы сложить

кристалл сущности народа. <...> Неопытному наблюдателю могут показаться поверхностные черты и затемнить сущность. <...> Люди привыкли судить легкомысленно, они надеются, что никогда не поздно изменить решение. Но изменить очень похоже на измену, иначе говоря, на свойство, которое Нам особенно отвратительно. Не может быть легкомыслия там, где обсуждается психология целого народа и значение целой эпохи»⁶⁹.

В «Гранях Агни Йоги» говорится: «Все истинные Учения, где-либо и когда-либо данные человечеству, имели целью устремить сознание людей к пониманию действительно Сущего в объеме, соответствующем ступени эволюции, достигнутой данным народом. <...> Не внешняя форма, но сущность явления раскрывают себя носителю синтеза. И часто в явлениях антагонистических и противоположных постигает он разные стороны вещи единой. <...> ...Утверждение Нового Мира идет при чудовищном противоборстве ему со стороны тьмы и приспешников старого мира. Ведущая Страна строит новые ступени эволюции, идет новым путем, и в этой эволюционности ее поступи заложено ручательство победы над всеми противодействиями, препонами, трудностями и сопротивлением противников будущего. Именно будущее, которое создает она, является ведущим магнитом, и вся Наша Помощь и Энергии Наши посылаются Нами на поддержку великого дела. Да! Да! Великое дело строительства и утверждения будущего для счастья всего мира творится на просторах Великой Страны. Ручательство Победы Даем и дела ее Утверждаем»⁷⁰. «Сочетать комбинации нужных условий непросто и нелегко. За годы, а когда и за столетия Намечаем нужное сочетание... <...> Великий План будет осуществлен. Эволюция человечества остановлена тьмою не будет: бесклассовое общество утверждено. Искусство и наука будут ведущими силами эволюции. И пусть особая зоркость позволит уже усмотреть в настоящем заложенный фундамент великолепного здания Нового Мира на старой старушке Земле»⁷¹.

⁶² Община (Урга), 2, IV, 4.

⁶³ Там же. 2, I, 1.

⁶⁴ Там же. 3, II, 10.

⁶⁵ Там же. 3, II, 18.

⁶⁶ Там же. 3, II, 23.

⁶⁷ Там же. 3, II, 24.

⁶⁸ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 13. 2-е изд. С. 7.

⁶⁹ Братство. Ч. II. Надземное. § 468.

⁷⁰ Грани Агни Йоги. Т. 1. Новосибирск, 2001. С. 109–110. 03.08.60.

⁷¹ Там же. С. 45. 25.02.60.

А.В. Федотов

О востоковедческой деятельности Юрия Николаевича Рериха во время Центрально-Азиатской экспедиции

Центрально-Азиатскую экспедицию (1923–1928) Николая Константиновича Рериха его младший сын, Святослав Николаевич Рерих, называет «замечательным периодом деятельности <...>, когда он (Н.К. Рерих. – А.Ф.) осуществил свою мечту поехать в Индию. На этот период приходятся путешествия не только по Индии, но и в Центральную Азию, в Тибет, на Алтай. Затем следует возвращение в Индию, основание Института гималайских научных исследований “Урусвати”, последующая жизнь и работа на Востоке»¹. В этой экспедиции Рериха сопровождали его жена Елена Ивановна Рерих, и их старший сын Юрий Николаевич Рерих.

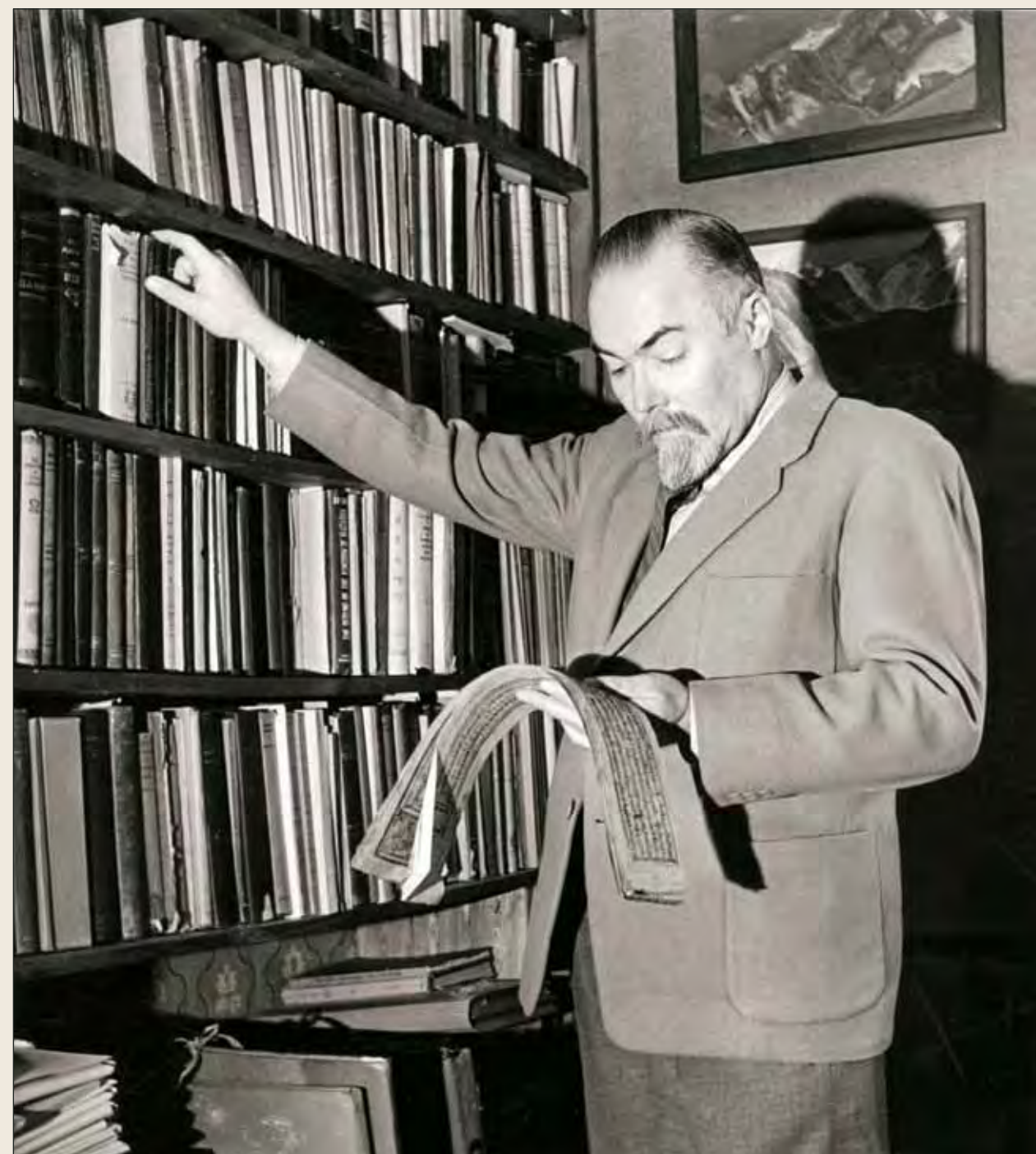
Интерес к Востоку был присущ всей семье Рерих, Восток привлекал своими богатыми духовными и культурными традициями, глубиной философских концепций и постулатов, незыблемостью нравственных и моральных положений. Николай Константинович был заинтригован восточными мотивами и использовал их в своем творчестве. Свою увлеченность этим удивительным регионом родители передали сыновьям, что, наверное, и предопределило профессиональную судьбу Ю.Н. Рериха. Он решил стать востоковедом.

В продолжение четырех лет, с 1919 по 1923 год, то есть до начала Центрально-Азиатской экспедиции, Юрий Николаевич усиленно занимался восточными языками, культурой, историей, этнографией, археологией Востока. Еще в студенческие годы определился достаточно широкий круг его интересов в области индологии, тибетологии, монголоведения, иранистики и тюркологии. К на-

чалу экспедиции он получил блестящее образование, закончив индо-иранское отделение Школы восточных языков при Лондонском университете, затем продолжил образование в Гарвардском университете в США, где в 1922 году получил степень бакалавра по отделению индийской филологии. Свое востоковедческое образование Юрий Николаевич завершил в Париже, в Школе восточных языков при Сорбонне, где получил диплом магистра индийской филологии. Обучение в наиболее престижных университетах Европы и Америки дало Юрию Николаевичу Рериху уникальную востоковедческую подготовку. Еще в студенческие годы он овладел греческим, латынью, санскритом, пали, тибетским, китайским, монгольским, фарси².

С одной стороны, без столь серьезной теоретической подготовки Юрия Николаевича в области восточных языков и культур Центрально-Азиатская экспедиция вряд ли была бы столь успешной. А с другой – без его непосредственного активного участия в этой многолетней экспедиции не были бы проделаны многочисленные исследования в области живых восточных языков и диалектов, традиционной культуры многих народов, населяющих Центральную Азию. Именно во время этой экспедиции началась самостоятельная научная работа молодого востоковеда, сделавшего немало открытий. Перечислим некоторые из них.

В 1925 году в Париже была опубликована на английском языке работа Ю.Н. Рериха «Тибетская живопись», которая долгое время оставалась основополагающей в области буддийской иконографии. В обширном предисловии к труду³ автор с присущими ему точностью и доскональ-

Ю.Н. Рерих в московской квартире. 1958–1960 гг.

ностью описывает зарождение и развитие пластических и живописных форм буддийского искусства. Великолепный знаток индийских джатак, он с легкостью «расшифровывает» сюжеты иконографических произведений, описывает достижения греко-буддийской школы, появившейся в древней Гандхаре. Безусловно, особое внимание в своей работе ученый уделяет тибетской буддийской живописи, характеристики и особенности

которой рассмотрены им на фоне исторического развития Тибета, также явившегося темой цитируемого нами предисловия.

Исторический экскурс был необходим Юрию Николаевичу для более точного исследования многочисленных влияний, которые, по его словам, проникли в Страну Снегов и обогатили огромный пантеон тибетского буддизма⁴. В этом смысле пройденные Центрально-Азиатской экс-

¹ Рерих Н. О Вечном... Книга о воспитании. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 8.

² Рерих Ю.Н. Избранное. М.: Наука, 1967. С. 7.

³ Рерих Ю.Н. Тибетская живопись. М.: МЦР, 2002. С. 9–34.

⁴ Рерих Ю.Н. Тибетская живопись. С. 9–34.

педицией маршруты оказались незаменимыми для выявления параллелей в культуре Тибета, Гандхары, Непала, Хотана, Монголии и Китая, в том числе в области буддийского искусства. На основании тщательного научного анализа Юрий Рерих выделяет две школы тибетского изобразительного искусства – юго-западную, с центром в городе Шигацзе, и северо-восточную, с центром в провинции Держе. По соседству с Шигацзе расположены Нартан, крупнейший в Тибете центр книгоиздания, и монастырь Таши-Лунпо, чьи мастера-изографы продолжают унаследованные из Индии традиции. А через провинцию Держе проходят караванные пути из Монголии и Западного Китая в Тибет, и по этой причине для ее школы характерны художественные влияния, пришедшие с севера⁵.

Несомненной заслугой этого исследования является описание практики создания художественных произведений тибетскими мастерами, которые, как справедливо отмечает Юрий Николаевич Рерих, твердо следуют установленным каноническим правилам⁶.

Книга «Тибетская живопись» по сути представляет собой первую попытку классификации божеств крайне сложного, по словам самого Юрия Николаевича, пантеона северного буддизма⁷.

Центрально-Азиатская экспедиция прошла через труднодоступные районы, куда до тех пор не проникала ни одна из русских географических экспедиций. Помимо этого, Ю.Н. Рерих совершил несколько научно-исследовательских экспедиций по Кашмиру, Сиккиму, Ладаку, Тибету, Западному и Северному Китаю и Монголии. Во время этих поездок он воочию наблюдал жизнь многочисленных народов этих стран и районов, изучал их быт и культуру, совершенствовал свои познания в восточных языках, овладевал новыми диалектами.

Позднее, в статье «Основные проблемы тибетского языкознания»⁸, Юрий Николаевич сформулирует одну из наиболее актуальных проблем в этой области востоковедения, а именно, необходимость изучать современные наречия и составлять лингвистическую карту. Сам он опубликовал несколько важнейших с точки зрения тибетского языкознания монографий, явившихся результатом Центрально-Азиатской экспедиции, в том числе книгу «Лахульский диалект тибетского языка»⁹, в которой подробно проследил фонетические, морфологические и синтаксические особенности лахульского диалекта. Следующая монография ученого, «Учебник раз-

говорного тибетского языка (Центральный диалект)»¹⁰ посвящена лхасскому, то есть центрально-тибетскому диалекту, который ныне является общепринятой нормой разговорного тибетского языка. Третья книга, посвященная тибетским диалектам, – «Говор Амдо»¹¹ – включила в себя материал по северо-восточной группе тибетских диалектов и наречий, собранный во время Центрально-Азиатской экспедиции. Анализ тибетского языка, его диалектов и наречий позволил Юрию Николаевичу Рериху подготовить еще одну монографию – «Тибетский язык», которая вышла уже после его смерти¹².

Среди открытий, сделанных во время Центрально-Азиатской экспедиции, следует упомянуть и обнаружение «звериного стиля» в культуре кочевников Северного и Центрального Тибета. Это позволило Юрию Николаевичу сделать предположение о существовании древнейшей кочевнической культуры на обширной территории Центральной Азии. По его мнению, следы этой культуры сохранились и среди современных тибетцев. Мотивы тибетского «звериного стиля» роднят его со знаменитыми находками из скифо-сибирских курганов, что, в свою очередь, дает основание предполагать о существовании в далеком прошлом связи между Тибетом и богатейшей культурой кочевников Центральной, или Внутренней, Азии.

Во время экспедиции Ю.Н. Рерих имел возможность тщательно изучить особенности кочевого быта тибетцев, населявших долины Южного и Восточного Тибета, в частности племен няронг-ва, чанг-па, хор, панга и голок. Это позволило ученому лично убедиться в истинности предположения некоторых западных востоковедов о том, что предки нынешних тибетцев когда-то населяли территории в верхнем течении реки Хуанхэ, то есть проживали в Западном Китае. Лишь затем они стали заселять Тибетское нагорье, начиная с северо-востока, – благодаря наличию тучных горных пастбищ. Какая-то часть

этого древнейшего населения была вынуждена впоследствии откочевать на юг, заселиться в Юго-Восточном Тибете и перейти к земледелию. Именно там, по мнению Юрия Николаевича Рериха, зародилась теократическая культура Тибета.

Однако кочевое движение тибетцев не было направлено только на юг: некоторые их племена, преодолевая северные гималайские перевалы, устремились на запад. Ученый справедливо предположил, что нынешние маршруты буддийских богомольцев повторяют древнейший миграционный путь – от Нагчу через Намру к священной для всех тибетских буддистов горе Кайлас (Кайлаш). Именно таким образом искусство кочевников Центральной Азии, чьей характерной чертой является «звериный стиль», достигает Западных Гималаев и прилегающих к ним территорий¹³.

Интересные научные открытия, сделанные во время Центрально-Азиатской экспедиции, описаны Ю.Н. Рерихом и в дневниках самой экспе-

Ю.Н. Рерих. Кулу. 1930-е гг.

⁵ Рерих Ю.Н. Тибетская живопись. 2002. С. 9–34.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Рерих Ю.Н. Основные проблемы тибетского языкознания // Советское востоковедение. 1958. № 4.

⁹ Roerich George de. Tibetica I. Dialects of Tibet. The Tibetan Dialect of Lahul. New York / Naggar. 1933.

¹⁰ Roerich George N. Textbook of colloquial Tibetan: Dialect of Central Tibet (Bibliotheca Himalayica. Series 2).

¹¹ Roerich George de. Le parler de l'Amdo, Étude d'un dialecte archaïque du Tibet. Roma, 1958.

¹² Рерих Ю.Н. Тибетский язык. М.: Наука, 1961.

¹³ Roerich George N. The Animal Style Among the Nomad Tribes of Northern Tibet. Seminarium Kondakovianum. Prague, 1930.

диции, которые были опубликованы в 1931 году на английском языке в книге «По тропам Центральной Азии»¹⁴. До выхода этой книги в свет еще никто из ученых и путешественников не описывал столь подробно северные и северо-восточные области Тибета.

«Страна снежных вершин» всегда была для Юрия Николаевича Рериха любимой темой. Он интересовался не только тибетским языком и его наречиями, тибетским эпосом «Кесариада» и литературой, бытом и традициями тибетского народа, но и его историей; ему принадлежит перевод на английский язык «Синих анналов» (тиб. — *debt her sngon po*), составленных в 1476 году известным тибетским историком Го-лоцзавой Шоннупалом (1392–1481). Перевод этого крупнейшего произведения тибетской историографии и истории тибетского буддизма, блестяще сделанный Юрием Николаевичем, не потерял своей научной актуальности и поныне. Появившись в 1946 году, он многократно переиздавался во многих странах мира. Большинство тибетологов используют этот пере-

вод, изучая историю тибетского государства, традиции тибетского общества, развитие различных школ тибетского буддизма. Неоценимым источником этот трактат является для тех, кто занимается хронологией истории Тибета VII–IX веков.

Во время Центрально-Азиатской экспедиции Юрий Николаевич Рерих активно занимался сбором тибетских письменных текстов – манускриптов и ксилографов, а также вел записи различных версий тибетских эпических произведений, в том числе и тибетского эпоса о Кесаре. Ученый проявлял особый интерес к изучению героического эпоса центральноазиатских народов – бурят, монголов, ойратов, тибетцев и т. д. В 1942 году Юрий Николаевич опубликовал статью «Сказание о царе Кесаре Лингском»¹⁵, в которой подвел итог имевшимся на то время исследованиям и публикациям текстов этого эпоса и высказал свои предположения о характере данного эпического творения, времени и месте его зарождения.

Помимо индийской и тибетской тематики во время Центрально-Азиатской экспедиции Юрий

¹⁴ Федотов А. Добуддийский Тибет в работе Ю.Н. Рериха «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» // 100 лет со дня рождения Ю.Н. Рериха. Материалы международной научно-общественной конференции. 2002. М.: МЦР, 2003. С. 158–165.

¹⁵ Roerich George N. Trails to Inmost Asia. Five Years of Exploration with the Roerich Central Asian Expedition. New Haven, Yale University Press, London, Humphrey Milford, Oxford University Press; 1931. Roerich George N. The Epic of King Kesar of Ling // Journal Royal Asiatic Society of Bengal. Letters. Volume VIII, 1942. Article No. 7.

Ю.Н. Рерих с бурятскими учеными. Улан-Удэ. Сентябрь 1959 г.

Ю.Н. Рерих на Международном конгрессе монголоведов. Улан-Батор. 1959

Николаевич Рерих серьезно занимается Монголией, ее языком и диалектами, которые он начал осваивать еще будучи подростком благодаря знакомству с одним из признанных российских монголоведов А.Д. Рудневым, соседом Рерихов по даче в Финляндии. По мнению современников, Юрий Николаевич говорил по-монгольски, как природный монгол¹⁶. В своей книге «По тропам Центральной Азии» он посвятил Монголии семь глав (с седьмой по тринадцатую), в которых поделился впечатлениями об этой стране, ее жителях, обычаях и традициях. Эти впечатления представляют яркую картину жизни новой Монголии, где в 1921 году произошла Народная революция под руководством Сухэ-Батора. Юрий Николаевич описывает Улан-Батор 1926 года (так стала называться прежняя столица Монголии Урга) как город контрастов, где можно было увидеть старые буддийские монастыри и атрибуты новой революционной жизни.

Важным вкладом в развитие монголоведения явилось изучение быта и языка монгольских кочевников, населявших западные районы Внутренней Монголии и Цайдам. Ю.Н. Рериха интересовали языковые контакты между монголами и тибетцами, в частности, функционирование классического тибетского языка в качестве офици-

ального в монгольских буддийских монастырях и среди монгольской феодальной знати. Он исследовал проблемы заимствования тибетской терминологии в монгольском языке, а также установил характер монгольских заимствований в тибетском языке. Несмотря на относительно небольшое число публикаций Юрия Николаевича о Монголии, их содержание и сделанные в них выводы и наблюдения остаются актуальными и по сей день, ибо основаны на тщательном анализе культурных и языковых данных¹⁷.

В заключение можно сказать, что Центрально-Азиатская и Маньчжурская экспедиции окончательно сформировали Юрия Николаевича Рериха как истинного востоковеда – не кабинетного ученого, корпящего над древними текстами, но пытливого и исключительно одаренного мыслителя, талантливого наблюдателя и аналитика, проникшего вглубь восточных культур, в совершенстве знающего восточные языки и диалекты, осознавшего исключительную важность познания Востока Западом. Его научные достижения бесспорны, его вклад в развитие мирового и особенно русского востоковедения трудно переоценить. Вот почему его заслуги в области изучения Центральной и Южной Азии признаны научной общественностью многих стран.

¹⁶ Рерих Ю.Н. Избранное. М.: Наука, 1967. С. 14.

¹⁷ Roerich George N. Tibetan Loan-Words in Mongolian. India, Kalimpong. Reprinted from Liebenthal Festschrift. Sino-Indian Studies, Vol. V. Nos. 3–4.

А.В. Постников

Первое путешествие просвещенного европейца на Тибет (1774–1775)

Во время работы в отделе рукописей французской Национальной библиотеки в Париже нам удалось обнаружить неизвестный ранее вариант отчета (*Меморандум о Тибете*) английского посланника Ост-Индской компании в Бутан и Тибет, молодого шотландца Джорджа Богла (1746–1781)¹.

В течение длительного времени итоги миссии и собранные ею материалы оставались практически не введенными в научный оборот. Единст-

венным кратким описанием путешествия была публикация спутника Богла, капитана Самуэля Тернера в 1800 году². Как отмечал известный историк Ост-Индской компании Клемент Маркхем, «открытие журналов и других бумаг господина Джорджа Богла, который был послан с миссией на Тибет Уореном Гастингсом, и господина Маннинга, единственного англичанина, посетившего Лхасу, предоставили значительное количество работы Департаменту [истории] на 1876 год. Таким

¹ Bibliothèque nationale de France's Department of Manuscripts, Anglais 63, M. Bogle's # 3. Memorandum about Thibet, ou «Relation de l'ambassade de M. Bogle [George Bogle] auprès du Grand Lama du Tibet». «Offert à la bibliothèque du Roi, ce 28 août 1822, par L. Langlès». В конце документа указано, что он завершен в Бейхаре 9 июня 1775 года (Beyhar, the 9th of Yune 1775).

² Turner, *Captain Samuel*. An account of an Embassy to the Court of the Teshu Lama in Tibet by Captein Samuel Turner. (London, 4to, 1800).

образом была санкционирована официальная работа по Тибету»³. Описание миссии было издано весьма оперативно, в том же 1876 году⁴.

Заметим, что рукопись, обнаруженная нами в Национальной библиотеке в Париже, поступила туда в 1822 году, т. е. задолго до обнаружения материалов по этому путешествию, хранящихся в бумагах Ост-Индской компании, и, очевидно, была неведома Клементу Маркхему. Более поздние исследователи также не были знакомы с этим меморандумом; в частности, активно занимающаяся в последнее время творчеством (в основном эпистолярным) Джорджа Богла и других ранних британских путешественников по Индии и сосед-

ним странам Кэйт Телтчер не использовала Меморандум Дж. Богла из парижской Национальной библиотеки⁵.

Младший сын видного торговца табаком из Глазго, Джордж Богл, в 13 лет лишился матери. На следующий год он поступил в Эдинбургский университет для изучения логики, а оттуда в возрасте 18 лет перешел в частную Академию в Энфилде для продолжения своего образования. После шестимесячного путешествия по Франции Джордж в течение четырех лет работал клерком в лондонском финансовом отделе внешнеторговой фирмы своего брата Роберта «Богл

Ладак. Великая река Инд около Ле. Фото А.В. Шапошниковой

³ Markham, *Clement R*. Memoir on the Indian Surveys; by Clements R. Markhman, C.B., F.R.S. (second ed.) (London, 1878): 419.

⁴ Markham, *Clement R*. Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet, and the Journal of Thomas Manning to Lhasa. edited with notes, an introduction, and lives of Mr. Bogle and Mr. Manning, by Clement R. Markham, C.B., F.R.S. (Tr_bner, 1876).

⁵ Teltscher, *Kate*. India Inscibed: European and Britis Writing on India, 1600–1800. (Oxford UP, 1995); Web site: Romantic Circles – Home / Praxis Series / The Containment and Re-deployment of English India / *Kate Teltscher*. Colonial Correspondence: The Letters of George Bogle from Bengal, Bhutan and Tibet, 1770–81. См. также: *Teltscher, Kate*. (2004). Writing home and crossing cultures: George Bogle in Bengal and Tibet, 1770–1775. In: A New Imperial History: Culture, Identity and Modernity in Britain and the Empire, 1660–1840, edited by Kathleen Wilson, Cambridge University Press, Cambridge 2004; *Bogle, George, Hamilton, Alexander, and Lamb, Alastair*. Bhutan and Tibet: the travels of George Bogle and Alexander Hamilton, 1774–1777. Hertingfordbury: Roxford Books, 2002. *Teltscher, Kate*. Writing home and crossing cultures: George Bogle in Bengal and Tibet, 1770–1775. In: A New Imperial History: Culture, Identity and Modernity in Britain and the Empire, 1660–1840, edited by Kathleen Wilson, Cambridge University Press, Cambridge 2004.

и Скот». Вслед за этим по протекции друзей получил назначение в качестве чиновника Ост-Индской компании. Богл прибыл в Калькутту в разгар ужасного голода в Бенгалии. В сентябре 1770 года он писал Роберту о страшных картинах множества жертв голода, умирающих прямо на улицах⁶.

Джорджу Боглу было всего 28 лет, когда его назначили первым британским посланником в Бутан и Тибет, спустя немногим более четырех лет после его прибытия в Индию. Миссия должна была заключить торговый договор между Бенгалией и Тибетом с тем, чтобы открыть путь через Бутан. В тот период в течение нескольких лет Ост-Индская компания старалась исследовать возможности трансгималайской торговли. Тибет рассматривался в качестве пути в Китай, посредством которого можно было избежать тех торговых ограничений, которым компания подвергалась в Кантоне. Эти стремления стали более острыми и актуальными в связи с финансовыми потерями, которые Ост-Индская компания понесла во время ужасного голода в Бенгалии в 1769–1770 годы.

Генералу-губернатору Уорену Гастингсу представился повод расширить британское влияние в этом районе благодаря нападению бутанцев на княжество Куч Бехар – небольшое государство, граничащее с Бенгалией. Раджа Куч Бехара обратился в Калькутту за военной помощью, которая была ему предоставлена на том условии, что компания становилась сюзереном княжества. В 1773 году, после победы англичан над войсками бутанцев, Гастингс позитивно откликнулся на заверения о мире, направленные ему Лобсангом Палден Яше, Третьим Панчен Ламой Тибета (известным британцам как Таши Лама), человеком больших талантов и инициативы, который достиг значительного влияния в Тибете и соседних государствах в период малолетства Восьмого Далай Ламы. Таким образом, именно в ответ на мирные инициативы Панчен Ламы Богл был назначен послом в Бутан и Тибет.

Гастингс снабдил Богла инструкцией, в которой от посланника требовалось вести «дневник, отмечая в нем любые проходы (перевалы), которые Вы видели, [а также] Вам следует описывать народ, страну, климат, пути сообщения, их манеры, обычаи, постройки, пищу и т. д., а также интерес к торговле со стороны этой страны, иметь с собой ка-

рандаш и записную книжку для заметок о каждом факте или высказывании, в тот момент, когда они случились, с тем чтобы [изложить] их в должном порядке на досуге, пока они еще свежи в памяти»⁷.

Помимо Богла в отряд входили хирург компании по имени Александр Гамильтон, представитель Ламы Пурангир Госаин (Purangir Gosain) и слуги.

Миссия Богла вышла из Бейхара (Beyhar) 8 июня 1774 года⁸. На пути из Бенгалии в Бутан шотландский путешественник впервые познакомился с местной транспортной «службой» носильщиков-кули, которую Богл описывает следующим образом: «Эта служба [повинность] настолько хорошо налажена, что их народ подчиняется ей безропотно, причем ни пол, ни юность, ни старость не [могут служить оправданием] для отказа от этой службы. Груз привязан на их спинах с помощью короткой палки, пропущенной под руками, используемой в качестве опоры, когда они дышат; несмотря на то, что они по природе физически сильны и привычны к такого рода труду, удивительно, какие грузы они могут переносить. Девушка 18 лет прошла однажды 15 или 18 миль с грузом весом 70 или 75 фунтов [28–30 кг]. То же самое расстояние мы вообще едва смогли преодолеть без какого-либо груза»⁹.

Прибыв в Тассасудден (Tassesudden), Богл провел период с 5 по 14 июля 1774 года в переговорах с Дебе Раджей (Debe Rjah) и его приближенными, главной целью которых было получить разрешение на посещение Тибета. Раджа объяснил посланнику Ост-Индской компании, что Панчен Лама был независим лишь в религиозных делах, а юридически он подчинялся китайскому императору, который выказал недовольство, узнав о миссии из Индии. В связи с этим раджа просил направить в Китай копии писем англичан Панчен Ламе (письма были составлены на бутанском и персидском языках) и дожидаться решения китайских властей. Помимо этого он много говорил о трудностях предстоящего пути и советовал англичанам отказаться от продолжения миссии. В ответ шотландец сообщил, что Таши Лама сам был инициатором посольства и послал письмо правителю Ост-Индской компании. Судя по дальнейшим переговорам, сам Лама расхотел принимать англичан¹⁰. Размышляя о возможных причинах

такого непоследовательного поведения Панчен Ламы, Джордж Богл выдвигает в качестве одной из них относительно более уязвимое (по его мнению) географическое положение Тибета по сравнению с Бутаном, хорошо защищенным горами. В частности, он замечает по этому поводу следующее: «Территория Ламы по всем параметрам находится в иной ситуации [по сравнению с Бутаном]. Его [Тибета] торговля с Китаем и его [китайские] изделия сдерживают соблазн агрессора, в то время как открытость [незащищенность] страны создает трудности в противодействии такой агрессии. Я уверен, что именно эти обстоятельства являются истинными причинами возражений Таши Ламы против моего путешествия. Приказ императора – лишь покров, скрывающий ее [эту причину]. [Этот приказ] конечно возбуждает такую ревность и пробуждает внимание; он способствует усилению страхов Таши Ламы перед Китаем, в случае, если этот приказ вполне серьезен, или дает им оправдание, в случае если он выдуман»¹¹. Выбирая пути преодоления сопротивления тибетцев его миссии, британский путешественник решил существенно сократить число своих спутников, что он оправдывал также желанием «погрузиться в жизнь тибетцев без всякой помехи». В связи с этим решением он отправил большую часть своей свиты обратно в Калькутту.

Ожидая решения тибетских властей, Богл собирал в Бутане сведения об условиях пребывания иностранцев в Лхасе и выяснил, в частности, «что когда какие-либо турки [по-видимому, имеются в виду представители центральноазиатских народов. – А.П.] или русские [подчеркнуто мною. – А.П.] прибывали туда, к каждому из них китайцы приставляли охранника; что всего в Лхасе было 1000 таких охранников и что страна Ламы управлялась и охранялась [императорским] двором»¹². В своем письме правителю Бутана Панчен Лама подтверждал собранные Боглом сведения, заявляя, в частности, «что в Лхасе имеется отряд китайцев, и что турки, русские и другие народы (чьи названия я забыл) никогда не допускались туда без охраны, почему он [Лама] был бессилен что-либо сделать для Fringu». Шотландский путешественник выяснил, что fringu местные народы называли англичан, объединяя при этом понятия fringe – *маргинальный, заграничный, foraying – нападающий, грабящий* и foreign – *иностраный*.

Богл пытался объяснить высшим чиновникам Бутана, что они несправедливы к англичанам, используя этот термин. По этому поводу он, в частности, заметил следующее: «Я объявил войну слову “Фринджи”, которым здешний народ продолжает называть англичан, и при любой возможности атакуя его, пытаясь заменить его термином Энрайз [Enrize]¹³. Само звучание [слова “Фринджи”] постыдно, а приравнивая англичан к любой другой европейской нации, [они] делают их ответственными за то, что португальцы совершили два столетия назад; достаточно того, чтобы мы могли отвечать за самих себя [за наши собственные деяния]»¹⁴.

С другой стороны, Дж. Боглу очень понравились бутанцы, о которых он, в частности, заметил следующее: «Чем более я встречаюсь с бутанцами, тем более они мне нравятся, это простые люди, искренне добродушные и, я уверен, весьма честные. Государственные деятели [в своем облике] имеют черты, специфические для их профессии. По телосложению они являются наилучшим народом из всех, кого я когда-либо видел, многие из них очень красивы по цвету кожи и столь же светлы, как французы»¹⁵.

В конце концов Джорджу Боглу удалось убедить правителя Бутана написать Таши Ламе рекомендательное письмо по поводу его миссии. Посланника правителя Тибета Госсейна Богл уговаривал убедить Ламу не просить у Пекина разрешения на прибытие английской миссии в его резиденцию, которая находилась достаточно далеко от Лхасы, где были китайцы¹⁶. Объясняя мирный характер миссии, Богл утверждал следующее: «Я заметил, что манеры и обычаи страны, а также растения и животные были объектами любопытства Правителя, и он велел мне интересоваться ими, но я уверял его, что сила и количество войск, или мощь страны являлись предметами настолько полностью безразличными Правителю, что он желал, чтобы я не делал ни малейших распросов о них; если же учитывать расстояние между странами, разницу в климате и другие обстоятельства, то Бенгалии столь же мало следует опасаться Тибета, сколь Тибету бояться Бенгалии». С другой стороны, посланник Ост-Индской компании считал необходимым закончить свою тираду скрытой угрозой: «Я порекомендовал ему убедительно представить [все эти доводы] Ламе, так как, отказав

⁶ Web site: Romantic Circles – Home / Praxis Series / The Containment and Re-deployment of English India / Kate Teltscher. Colonial Correspondence: The Letters of George Bogle from Bengal, Bhutan and Tibet, 1770–81.

⁷ Oriental and India Office Collection, British Library (OIOC, BL), Eur E226/6.

⁸ Bibliothèque nationale de France’s Department of Manuscripts, Anglais 63, M. Boglés # 3. Memorandum about Thibet ou «Relation de l’ambassade de M. Bogle [George Bogle] auprès du Grand Lama du Tubet». «Offert à la bibliothèque du Roi, ce 28 août 1822, par L. Langlès». Page 10. Далее: Memorandum about Thibet...

⁹ Там же. P. 12.

¹⁰ Там же. P. 18–21.

¹¹ Memorandum about Thibet... P. 30.

¹² Там же. P. 31.

¹³ Богл не объясняет смысла своего предложения, но не исключено, что под термином enrize он хочет зашифровать сутубо колониальный слоган – English Rize (Rise).

¹⁴ Memorandum about Thibet...

¹⁵ Там же. P. 170.

¹⁶ Там же. P. 35.

мне в разрешении посетить свою страну, он незаслуженно оскорбит Правителя». Таким образом, используя различные аргументы и в том числе обычную взятку, Боглу удалось убедить посланника правителя Тибета приложить все старания для достижения его, Богла, целей. «И со всеми этими различными аргументами, использованными мною, – говорит он, – я смог переплести его собственный интерес, как наилучший стимул его стараний»¹⁷.

От себя Богл написал Ламе следующее послание (на бутанском языке), полный текст которого на английском языке приведен в Меморандуме: «По пути к Тассесуддену я был удостоен Вашим письмом, и сердце мое возрадовалось сообщением о Вашем благополучии. Ваши служащие, которые теперь возвратились к Вам, проинформируют Вас о том удовлетворении, которое получил от Вашего письма Правитель, мой господин, и от того, что благодаря Вашему содействию был заключен мир между англичанами и Дебе Раджей, который будет царить вечно. В этот период всеобщего удовлетворения я прибыл сюда с ответом Правителя и некоторыми свидетельствами его уважения. Он желает развития дружбы с Человеком, чьи молитвы возносятся во имя благополучия Человечества и чьи усилия направлены на преодоление различий между ними [народами]. Именно для этой цели я послан. Если мне будет отказано в праве предстать пред Вами, мое сердце опечалится, а голова Правителя будет опозорена. Не имея мунши [секретаря], я не могу вдаваться в дальнейшие подробности, но Госсейн представит их Вашему просвещенному уму»¹⁸.

По совету Госсейна, Богл ходатайствовал о включении в свой паспорт не более трех-четырех слуг.

В случае полного отказа Ламы допустить английскую миссию на Тибет Богл в своем письме Правителю Ост-Индской компании Уорену Гастингсу предлагал использовать для посольства купца-мусульманина из Бенгалии¹⁹.

Из разговоров с Госсейном англичанин узнал, что во время войны Бутана с Англией Дева Раджа обращался к своим соседям с предложением объединиться против общего врага, утверждая, что англичане «атаковали его сегодня и атакуют их завтра»; коалицию ему создать не удалось, хотя некоторые правители были совсем не против расширить свои владения за счет соседей, пользуясь создавшейся обстановкой. Таши Лама участво-

вать в военных действиях против англичан наотрез отказался, так как был в принципе против войн и кровопролития; он выступил в качестве посредника в установлении мира²⁰.

В конечном итоге Боглом было получено разрешение на посещение Тибета, о чем он с радостью сообщил в своем Меморандуме следующее: «13 октября (?) [здесь и далее шотландский

путешественник не гарантирует точности дат. – А.П.] 1774 г. я покинул Ташешуджон <...> с У. Гамильтоном, Мена Сеттаром, жителем Кашмира, который присоединился ко мне в Ронг Пуре и го-

Ладак. Призыв на молитву. Фото А.В. Шапошиниковой

¹⁷ Memorandum about Thibet... P. 36–37.

¹⁸ Там же. P. 37–38.

¹⁹ Там же. P. 159–160.

²⁰ Там же. P. 38.

Ладак. Стафиновый замок. Фото А.В. Шапошниковой

ворил на языке этой страны, посланником, который был направлен за мной и служащим Дебе Раджи, который должен был меня сопровождать до границ страны»²¹.

В дороге Джордж Богл занялся подробным описанием вооружения бутанцев, в котором, по

его наблюдениям, преобладало старинное оружие (лук, отравленные стрелы, копья), хотя огнестрельное оружие, употреблявшееся редко, также отмечено: кремневые ружья и пушки²².

23 октября 1774 года отряд пересек границу владений Ламы. Последующее повествование

Богла становится подробнее. Он начинает уделять пристальное внимание описанию быта и нравов тибетцев и, в частности, отмечает обычай захоронения – усопших отдавали на съедение хищни-

кам (в основном птицам) на вершинах специальных сопок. Исключение делалось лишь для умерших от оспы, которых закапывали в землю, и для лам, сжигаемых на сандаловых дровах²³. По ходу следования миссии доктор Гамильтон занимался сбором гербария и семян а также ботаническими описаниями²⁴. Описывая местную фауну, шотландский путешественник упоминает животное, похожее на осла с местным названием *киянг* (Kyang). На территории Тибета Богл и его люди столкнулись с запретом на охоту, но когда отряд отошел от священных гор, тибетцы пошли на компромисс, разрешив поохотиться в пустынных и ненаселенных местах.

Описывая различные технические средства, используемые тибетцами, в частности маслобойку (*churn*) и устройство для резки соломы, Богл отмечает совершенство этих машин: «Так как я помню, насколько великим открытием почиталось в Англии [устройство для] резки соломы, я упоминаю это только для того, чтобы показать, что те народы, которые недооценивались европейцами, могут без помощи Королевских Обществ обнаруживать полезные искусства жизни; а что касается остального, насколько они [эти устройства] являются благом для человечества, или наоборот, – это вопрос, находящийся вне моей компетенции»²⁵. В качестве еще двух примеров реальных достижений тибетцев в развитии самобытных технических средств Богл далее детально описывает деревянные паромные переправы и обтянутые кожей грузовые баржи²⁶.

8 ноября 1774 года миссия Ост-Индской компании прибыла в резиденцию Таши Ламы, расположенную в Дешерипгее. Джордж Богл следующим образом описывает дворец Ламы: «Дешерипгей расположен в узкой долине у подножья крутого скалистого холма. Дворец невелик: в высоту он всего лишь двухэтажный, а с трех сторон окружен рядами небольших апартаментов с галереей вокруг них, что в совокупности формирует Малый Двор, выложенный камнем. Все лестницы деревянные и широкие, крыши украшены медными коваными орнаментами, а на фронте дома – тремя круглыми латунными пластинами, [символизирующими] Ом, Хэм и Хунг. Покои Ламы расположены наверху. Они невелики и увешаны различными цветными шелковыми тканями, видами Поталло, Джешу Лумбу и т. д. В двух милях от Дешерипгея стоит крепость Чамнамнинг»²⁷.

²³ Memorandum about Thibet... P. 60.

²⁴ Там же. P. 173.

²⁵ Там же. P. 73.

²⁶ Там же. P. 74–75.

²⁷ Там же. P. 77.

16 ноября 1774 года к миссии Богла присоединился мусульманин Магомет Таки [Mahomed Tucky]²⁸.

Джордж Богл вручил Ламе личное письмо правителя Ост-Индской компании, его подарки и свой собственный подарок (шелковый платок «Пелонг»). Посланник и его спутник Гамильтон были встречены очень хорошо и также получили подарки. В Меморандуме Богла подчеркнута, что несмотря на то, что Лама почитается живым богом во всех восточных окраинах Азии, он вел себя с иностранцами весьма вежливо и просто, проявляя большой интерес ко всему, о чем ему рассказывали. Действующий духовный правитель Тибета описан шотландским путешественником следующим образом: «Таши Ламе около сорока лет, он невысок и хотя не может быть назван толстым, но склонен к полноте. Цвет кожи у него светлее, чем у большинства тибетцев, а его руки такие же белые, как у европейцев. Его волосы, черные, как вороново крыло, пострижены очень коротко; борода и бакенбарды – никогда не длиннее месячных. Глаза у него маленькие и черные, а лицо – улыбающееся и добродушное. Его отец – тибетец, а мать является близкой родственницей раджи Ладака. От нее он научился индостанскому языку [хинди], который знает сносно и очень любит на нем говорить. Он ведет себя открыто, искренне и щедро. Он очень весел и занятен в разговоре и рассказывает приятную историю с обилием чувства юмора и действия. Мне удалось раскрыть его лукавства, те недостатки, которые неотъемлемы от Человечества, но он настолько всеми любим, что ни у меня, ни у кого другого не хватило бы смелости плохо отозваться о нем»²⁹.

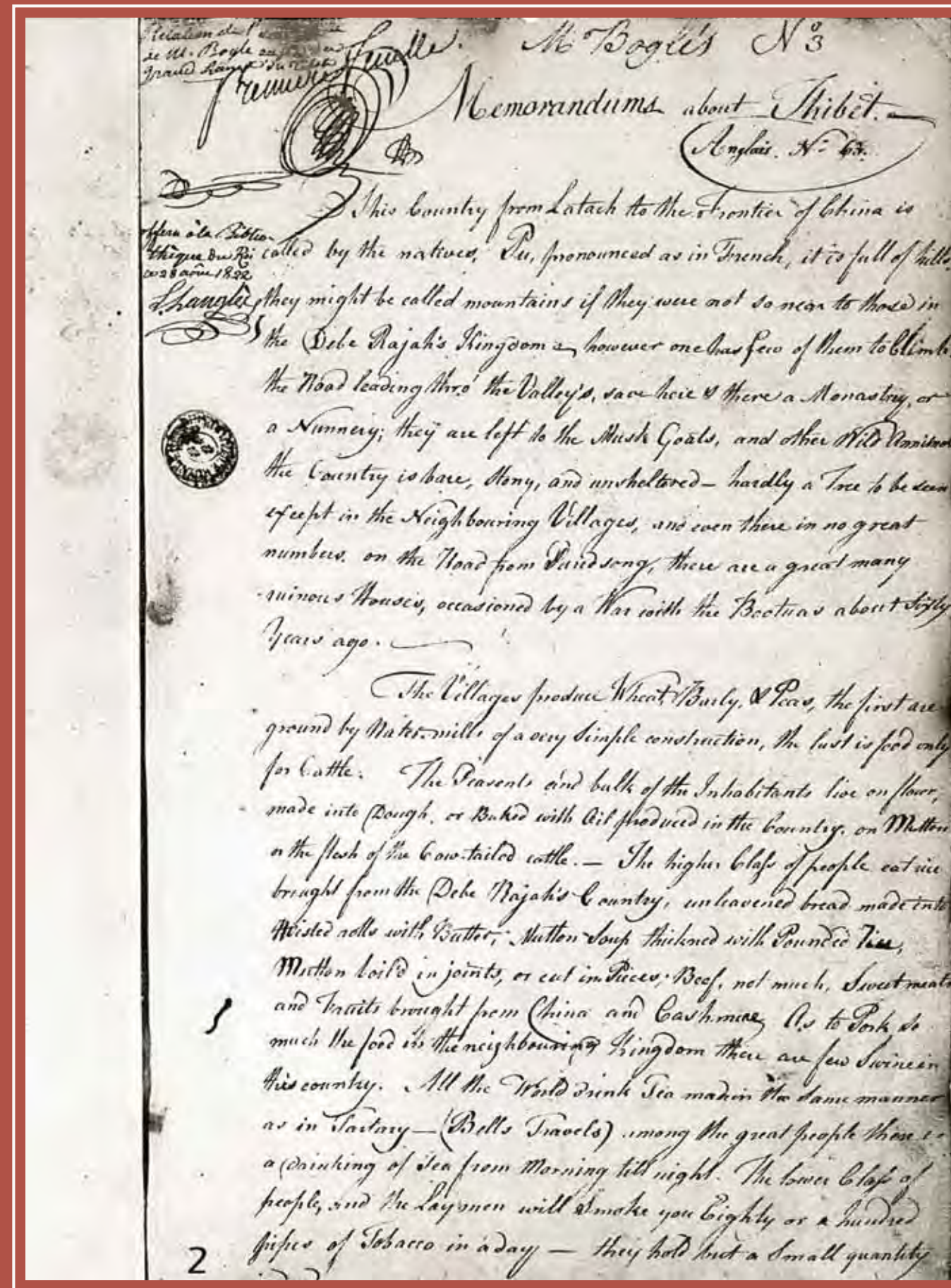
Особо отмечена большая щедрость Ламы, причем он часто одаривал своими милостями странствующих факиров-мусульман, несмотря на враждебность их религии ламаизму. Как полагал Джордж Богл, одной из причин поощрения Ламой посещений факиров было его желание узнать как можно больше о соседних азиатских странах, и, возможно, распространить среди их народов добрую славу о Далай Ламе.

Для теплоты и удобства Таши Лама дал англичанам одежду, украшенную шкурами сибирских лис и соболей, и по паре красных сапог. Таким образом, как отмечает Богл, они были одеты по-русски: *Dressed like that which we call Russia*³⁰.

Представителей Ост-Индской компании как первых европейцев в этих краях непрерывно посещали любопытствующие тибетцы.

Описывая в письме Гастингсу значение правящего Таши Ламы на Тибете, Дж. Богл отмечает следующее: «Характер и способности Таши Ламы, факт обнаружения им и возведение на престол в Потале теперешнего Далай Ламы, благоволение к нему Императора Китая и назначение с его помощью военачальником Гесуб Кембокая [Gesub Kambocay] обеспечивает ему громадное влияние. Местом правительства, однако, является Лхаса. Император Китая – Высший сюзерен. Его представители, два китайских офицера, сменяются каждые два года. Эти люди должны докладывать своему Двору о положении в стране, но мне говорили, что они редко вмешиваются в управление ею, которое на период малолетия Далай Ламы доверено Гесубу и четырем министрам. Таши Ламе принадлежит большое количество деревень и монастырей, разбросанных по Тибету вперемежку с владениями Далай Ламы. Для того чтобы попытаться объяснить характер Правительства, в котором столь много различных интересов переплетены воедино, я был бы принужден рассказать о таких деталях, которые при моем несовершенном знании страны вряд ли были бы оправданны»³¹.

По поводу возникновения китайской власти на Тибете Дж. Богл замечает следующее: «Около семидесяти лет назад Император Китая приобрел права сюзерена Тибета таким же образом, как подобные права обычно приобретаются, – путем вмешательства в ссору между двумя конфликтующими партиями»³². Шотландскому путешественнику удалось также получить следующие, может быть, излишне эмоционально окрашенные, но достаточно объективные сведения об истории завоевания Цинской Империей калмыков [Джунгарии] и влиянии этого факта на взаимоотношения России и Китая: «Правящий император обладает необузданным и жестоким темпераментом... Он, частично с помощью коварства, недостойного великого монарха, привел калмыков к жесткому подчинению... Но споры о границах и миграции подданных между ним и Двором Петербурга в течение нескольких прошедших лет весьма вероятно могут привести к разрыву [между Китаем и Россией], в результате чего, как мне кажется, он обречет себя на откровенную взбучку [со стороны России], которую Лама старается предо-

Меморандум о Тибете английского посланника Ост-Индской компании
в Бутан и Тибет Джорджа Богла. 1876

²⁸ Memorandum about Thibet... P. 174.

²⁹ Там же. P. 79–80.

³⁰ Там же. P. 84–85.

³¹ Там же. P. 174–175.

³² Там же. P. 182.

твратить; но китайцы [мне] представляются неправыми, однако высокомерное сознание императора не дает ему остановиться и пойти на какие-либо уступки»³³.

В конце ноября члены миссии по приглашению Ламы отправились с ним вместе в Таши Лумбо (Teshoo Loombo), которая являлась столицей провинции Таши Ламы. Они шли по западному берегу реки Чамнамнинг (Chamnamning) и прибыли в столицу 13 декабря 1774 года³⁴.

По поводу пребывания миссии в Таши Лумбо Богл пишет следующее: «Со дня нашего прибытия в Таши Лумбо и до 18 января [1775 г.] Лама был занят приемом посетителей и подарков. В числе его почитателей был большой караван калмыков, которые преподнесли его святилищу слитки серебра, меха, шелковые ткани и dromedaries. Они оставались в Таши Лумбо около месяца и затем отправились в Лхасу, где провели около десяти дней, а после вернулись в свою страну, расположенную на расстоянии около трех месяцев путешествия на север»³⁵.

В числе официальных посетителей Таши Ламы были ламы из Угры (Hirka) [Улан-Батор] и Дели.

Описывая дворец, Богл отмечает большое количество европейских вещей, привезенных на Тибет через Россию, в частности: «Потолки галереи покрыты сатинами самых различных типов, некоторые китайские, некоторые калмыкские, некоторые европейские, привезенные через Россию по суше»³⁶. Один из комендантов крепости под юрисдикцией Таши Ламы – Дело Динги (Delo Dingee) нередко заходил к Боглу и однажды сказал ему, что «ему нравятся русские за их враждебность к китайцам, которые [по его мнению] – низкий, коварный и недостойный народ». По этому поводу шотландский путешественник замечает: «Признаюсь, я был очень удивлен <...> до тех пор, пока не узнал, что он раньше был на службе последнего тибетского раджи Ванг Кушу, который около двадцати пяти лет назад был предательски убит китайцами в Лхасе»³⁷.

В отношении этнической принадлежности калмыков у Богла, по-видимому, не было определенности: не исключено, что часть из них были действительно калмыками из Джунгарии, а в некоторых местах он называет их также сибиряка-

ми, поэтому, возможно, имелись в виду буряты. Во время игры в восточный (командный) вариант шахмат Джордж Богл в команде с калмыками или татарами (под татарами Богл, скорее всего, подразумевал монголов) всегда обыгрывал тибетцев³⁸. В одном из ритуалов, свидетелем которого был Богл, магическое действие кончалось сожжением дьявола, «пришедшего на Землю, чтобы уничтожить всех, кого он сможет поймать». Существо это, по мнению Богла, весьма напоминало европейца³⁹.

В период пребывания в Таши Лумбо члены британской миссии многократно убеждались в обширности географического «охвата» ламаистского мира и его полиэтничности. Одним из ярких эпизодов, подтверждающих эти впечатления, было знакомство Богла с монгольским (по его терминологии – татарским) ламой, о котором он рассказывает следующее: «Татарский лама, который был направлен в качестве посланника от Великого Ламы Угры, известного в Индии под именем Таранот, уроженец Ладака, долго живший в Татарии, приятный и интересный человек; он принес мне полный котелок чая и платок. Я хотел отдать ответный визит, но он извинился, что не может меня принять, так как должен быть при Таши Ламе. Он оставался в городе еще некоторое время после ухода калмыкских пилигримов в Лхасу и снова посетил меня перед тем, как отправиться в обратный путь»⁴⁰.

По просьбе Таши Ламы Дж. Богл написал для него обзор европейских стран, обращая особое внимание на Англию и Францию⁴¹. Остаток своего пребывания в Таши Лумбо (до 30 марта 1775 года) шотландский путешественник провел, занимаясь с утра и до вечера переводом бумаг о Тибете, которые Лама предоставил в его распоряжение.

Особый интерес в Меморандуме представляют подробные сообщения Богла о его встречах и разговорах с Таши Ламой. Они общались на языке хинди.

Значительное внимание представитель Ост-Индской компании уделял выявлению взаимоотношений Тибета с соседями. В частности, он выяснил, что Бутан считался в это время вассалом Тибета. Лама объясняет, почему он сначала

отказал в разрешении английскому посланнику приехать в Тибет: «Я откровенно признаюсь, <...> что побудительной причиной отказа Вам в посещении [Тибета] поначалу было то, что многие люди настраивали меня против этого визита. Я много слышал также о могуществе Fringies; что Компания подобна великому королю и любит войну и завоевания...»⁴²

Лама просил англичан выделить место для молитв тибетцев на берегах Ганга (священной реки всех буддистов) и обращался к посланнику Ост-Индской компании за поддержкой в этом вопросе. Лама интересовался также взаимоотношениями англичан и китайцев, на что получил ответ, что Англия имеет торговую факторию в Кантоне, пользующуюся поддержкой китайцев.

Следующий отрывок из отчета Богла о его разговорах с Ламой свидетельствует о многообразии обсуждавшихся тем с весьма явно выраженной геополитической составляющей в их содержании: «Он спросил меня близко ли расположена Россия к Англии, и я ответил, что расстояние это велико и много стран расположено между ними. <...> Он интересовался, молимся ли мы кресту или Христу, обозначая знак креста своими пальцами и добавляя, что ранее некоторые «Фринджи Падре» были в Лхасе и молились Христу, но они сеяли беспорядки и были выдворены из страны»⁴³. <...> Он показал некоторые русские монеты и завершил [рассказ о России] упоминанием споров, которые часто возникают между этой страной и Китаем по поводу их границ и подданства народов, населяющих пустыню, протянувшуюся между границами [двух империй]». Представитель Ост-Индской компании уклонился от обсуждения этих вопросов.

Таши Лама «замечал великодушно, что все мы почитаем одного бога, но под разными именами, и все стремимся к достижению той же Цели, но различными путями. Я ответил ему в таком же духе терпимости: «Так как я не был направлен в качестве миссионера; и после того как столь изобретательные иезуиты, облаченные в ряссы Апостолов и вооруженные четками и распятиями, безрезультатно пытались обратить неверные народы, я не столь самоуверен, чтобы думать, что

мои труды увенчаются успехом»⁴⁴. «...Он показал мне план Таши Лумбо, его дворца и Поталу Далай Ламы. В них не было связи с симметрией...»⁴⁴ Судя по такой оценке Богла, показанные ему планы не были результатом топографических съемок иезуитов, в которых любой образованный европеец того времени мог бы узнать привычные ему карты в европейской традиции.

Во время пребывания в Таши Лумбо Дж. Богла посетила делегация из Лхасы с большим количеством китайских подарков; делегацию возглавлял Гилонг и светский чиновник «в женской одежде» – так воспринял его костюм шотландец. Шотландский путешественник уверял членов делегации в том, что «англичане совсем не были такими склочными людьми, какими их представляли некоторые злонамеренные личности, и не желали расширения [английских] территорий; что поскольку им доверено управление Бенгалией, единственное, чего они желали, это того, чтобы она оставалась в мире и спокойствии»⁴⁵.

Лама направил в подарок правителю Ост-Индской компании «восемь козлов, которые производят шакольскую шерсть [пух] [Shacol Wool], восемь короткохвостых коров [яков], восемь овец, восемь собак». Дж. Богл замечает, что «У этих козлов шерсть (подшерсток) растет под длинными волосами, которыми они покрыты. Она экспортируется в Кашмир из прилегающих провинций Тибета, и из нее производятся белые шали [знаменитые кашмирские платки. – А.П.]. Овечья шерсть перерабатывается в узкие грубошерстные ткани различных сортов. Они [овцы] используются также для переноски тяжестей, часто встречаются их отары, идущие из страны Дебе Раджи, одна овца несет на спине по два мешка по 10–12 фунтов риса в каждом. Крупный рогатый скот [яки], также происходит из Татарии и везде используется для транспортировки грузов, так как колесных повозок на Тибете нет»⁴⁶.

Анализируя состояние тибетской торговли и основные потоки товаров, Богл отмечает, что в Лхасу и другие поселения Тибета прибывает много кашмирских торговцев. Торговцы-монахи (дервиши) из Индии пользуются особым распо-

⁴² Memorandum about Thibet... P. 130.

⁴³ Не исключено, что Таши Лама имеет в виду отцов-иезуитов – участников топографических съемок, проводившихся в 1756–1760 годах по указу китайского императора Цунь Линя. Правда, не ясно, как тибетцы могли выдворить из страны представителей Империи, являвшейся сюзереном Тибета, тем более что иезуиты имели высокие титулы китайских мандаринов. Возможно также, что Таши Лама сообщал в своем рассказе о значительно более раннем (и первом) посещении Тибета в 1620-х годах иезуитом Антониом де Андраде (1580–1634) (António de Andrade). См.: Brockey, Liam Matthew. Journey to the East: The Jesuit Mission to China, 1579–1724. (Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2007): 99.

⁴⁴ Memorandum about Thibet... Page 133–136.

⁴⁵ Там же. P. 147.

⁴⁶ Там же. P. 179.

³³ Memorandum about Thibet... P. 188.

³⁴ Там же. P. 86.

³⁵ Там же. P. 96.

³⁶ Там же. P. 101.

³⁷ Там же. P. 102–103.

³⁸ Там же. P. 106.

³⁹ Там же. P. 109.

⁴⁰ Там же. P. 111.

⁴¹ Там же. P. 113–114.

ложением тибетцев. Ламаисты – калмыки [а также, видимо, монголы и буряты. – А.П.] со всеми своими семьями ежегодно прибывают на поклонение в ламаистские святилища, ведя с собой караваны верблюдов, нагруженных мехами и другими сибирскими товарами. Наиболее значительна торговля с Китаем. Хотя основной товарообмен с Сибирью осуществляется через калмыков, но часть сибирских товаров поступает через Китай. Главными товарами экспорта из Тибета являются козья шерсть (пух) и золото⁴⁷.

Оценивая перспективы торговли с Тибетом, Богл считает, что ее удобнее и безопаснее вести через представителей местных народов. Понимая, что это будет эффективным средством дальнейшего укрепления связей с Тибетом, шотландский путешественник во многих местах своего Меморандума поддерживает просьбу Ламы предоставить место на Ганге для ламаистских священников, восстановив таким образом древнюю традицию, прерванную монгольским завоеванием Индии около 800 лет назад. Если говорить о реальных торгово-экономических итогах миссии Дж. Богла, то раджа Бутана после долгих переговоров согласился на транзитную торговлю из Бенгалии в Тибет, но лишь через индусских или мусульманских купцов⁴⁸.

Завершая обзор историко-этнографических и политических сведений, которые содержит Меморандум Джорджа Богла, представляется целесообразным процитировать его собственную – субъективную, как он настаивает, – оценку представленных им данных, которую он дал, отправляясь в обратный путь из Таши Лумбо и обращаясь к читателю со следующим предупреждением.

«Необходимое предупреждение. Представленный выше Меморандум следует читать с определенными допущениями. Я попытаюсь записать [события] точно, но я не могу [полностью] отвечать за себя, так как я склонен быть довольным, если другие желают мне угодить, воспринимать любую вещь как хорошую, в случае, если она является лучшей из доступных мне, и показывать светлую сторону любой реальности.

Человек, более проникательный и придирчивый, чем я, мог бы, вероятно, дать существенно иной рассказ об оказанном ему приеме на Тибете. Но я смог записать лишь то, что со мной происходило [в моем восприятии]. Если мои симпатии окрашивали мои суждения, то ненамеренно»⁴⁹.

Оценивая значение путешествия Дж. Богла в Бутан и Тибет, следует подчеркнуть, что он был первым просвещенным европейцем, которому удалось завязать столь близкие отношения с пред-

ставителями правящего класса Тибета, что они даже материализовались в виде двух его дочерей, родившихся от тибетки и впоследствии воспитанных в Англии⁵⁰. В течение пятимесячного пребывания во дворцах Панчен Ламы Богл вел с ним многочисленные разговоры, играл в шахматы с членами его свиты, участвовал в охотничьих поездках его племянников, присутствовал на буддийских праздниках и даже, по просьбе Ламы, составил для него описание и историю европейских государств.

Все материалы Богла пронизаны идеями необходимости установления дружбы между народами, преодоления культурных различий. Он лично являл собой пример очень удачного воплощения в жизнь этих идей. Как в Меморандуме, так и в личной переписке Панчен Лама описан им в самых ярких и доброжелательных тонах: «внимательный, добродушный, добрый, щедрый, человечный»⁵¹.

Следует заметить, что дружба Богла с Панчен Ламой была, возможно, его главным дипломатическим успехом. Этот успех увековечен калькутским художником Тилли Кетлером в написанной около 1775 года картине, показывающей прием Джорджа Богла Панчен Ламой. Облаченный в тибетские одежды, Богл преподносит Ламе церемониальный белый шарф. Картина в настоящее

время хранится в Королевской коллекции Великобритании. Считается, что она была преподнесена Гастингсом королю Георгу III, – факт, который сам по себе является ярким свидетельством того важного политического значения, которое придавалось альянсу между Боглом и Панчен Ламой.

Что касается торговли, миссия Богла была менее успешной. Путь через Бутан остался закрытым для служащих Ост-Индской компании; британские товары могли поступать в Бутан лишь через посредничество неевропейских торговцев. Богл объяснял эти ограничения вмешательством китайских резидентов – амбаней, находившихся в Лхасе, которые управляли тибетской политикой. В лице Панчен Ламы Богл видел возможного будущего посредника между компанией и императором Китая.

По возвращении Богла в Бенгалию отношения между англичанами и Ламой были укреплены благодаря тому, что тибетцам был подарен участок земли в Калькутте для постройки монастыря. Пятью годами позже Лама посетил Пекин и должен был оформить для Богла паспорт, чтобы тот присоединился к нему в переговорах с китайскими властями. Но этим планам не суждено было воплотиться в жизнь, так как Панчен Лама заразился в Пекине оспой и умер там в 1780 году. А Богл умер в Калькутте на следующий год⁵².

⁴⁷ Memorandum about Thibet... P. 6–7.

⁴⁸ Там же. P. 186–187.

⁴⁹ Там же. P. 124.

⁵⁰ Richardson H.E. George Bogle and his Children. The Scottish Genealogist 29 (1982): 73–83.

⁵¹ OIOC, BL, MSS Eur E226/77(h): Bogle to Hastings, 5 December 1774; MSS Eur E226/77(i): Bogle to George Bogle Senior, 8 January 1775.

⁵² Web site: Romantic Circles – Home / Praxis Series / The Containment and Re-deployment of English India / Kate Teltscher. Colonial Correspondence: The Letters of George Bogle from Bengal, Bhutan and Tibet, 1770–81.

И.Л. Мершина

Маршрутом Мастера 80 лет спустя

Полезно, чтобы люди полюбили путешествия и умели развивать в себе чувство подвижности.

Надземное, 420

Мыслитель совершал долгие путешествия с учениками. Он спрашивал их – взяли ли они с собой самое лучшее оружие? Они недоумевали: «Какое?» Но он отвечал: «Самое удобное для путешествия – полная готовность».

Надземное, 449

Вечер четвертого дня пути конного маршрута. Горит небольшой костер, позади нехитрый ужин, самое время для разговоров.

– Скажи, Степан, а с какого места на Холодном белке лучше всего видно Белуху?

– А вам зачем?

– Хотим разгадать тайну Рериха. Знаем, что когда был на Алтае, то поднимался на Теректинский хребет, вверх по Кучерле ходил, а в дневнике написал, что лучше всего Белуху видно со Студеного белка. Да и на картинах его Белуха изображена с юга, а не с севера. Но до сих пор никто не знает, где же видел Рерих Белуху с южной стороны. Вот проехали мы с тобой Батун, Погорелку, но нигде не видно Белуху...

Наш проводник заинтригован вопросом, берет карту и начинает на ней рисовать маршрут, оживленно комментируя.

– Только с одного места видно Белуху. Надо пройти реки Собачью Тихую, Собачью Быструю, а потом лучше свернуть направо и пройти участки Малого Качества и Большого Качества – придете на гору Семешиху. Да и на самой горе только с двух мест ее видно. Я утром, когда проснулся, так ахнул – Белуха как на ладони, рукой подать, совсем близкой кажется.

– А как гора выглядела? – не отстаем мы с вопросами.

Степан старательно выводит три вершины, действительно напоминающие южную экспозицию Белой горы.

Начинаем просчитывать километры, и получается, что Рерих реально мог за день доехать до этого места.

Начало пути

Как и водится, сельский житель, молдаванин Степан решил проверить на прочность горожан и экипировал наших лошадей старыми, продавленными, жесткими седлами, плохо отрегулировал стремена. Первый день маршру-

Перевал Буревестник. Вид на долину семи озер

та длился всего пять часов, к концу дня, кое-как спустившись с лошади, едва не упала в обморок от нестерпимой боли в коленях. Через боль заставила себя ходить, ходить, и постепенно все пришло в норму. На следующий день посмотрела, а у Степана на седле кожаная подушка. На мой вопрос, а почему у нас только жесткие сед-

Н.К. Рерих. Белуха

ла, Степан хитро улыбнулся и сказал: «Так я уже пожилой».

Тут уж мы подручными средствами улучшили наши седла, отрегулировали стремена и только после этого тронулись в путь. Вот так, буквально собственным телом начинаешь ощущать, что значит в первый раз сесть на коня и ехать целый день. И не просто один день, а много дней подряд, как это происходило в экспедиции Н.К. Рериха. Достоверно известно, что Елена Рерих именно там впервые села на коня, отказавшись от носилок, и ехала верхом целыми днями, наравне с мужчинами. Когда об этом читаешь в дневниковых записях Николая Константиновича, то данный факт просто скользит по поверхности сознания, поскольку не подкреплён личным опытом. А вот когда попробуешь повторить это, тогда явственно ощущаешь величие этих людей, способных даже в обыденных ситуациях делать все сверх меры.

В первый день выехали в четыре часа пополудни, поэтому успели проехать только Каменный белок. Сами местные жители всю эту горную систему называют Холодный белок, не разграничивая ее на Каменный, Холодный и собственно хребет Холодные белки, как отмечено на географических картах. Для них это единая территория.

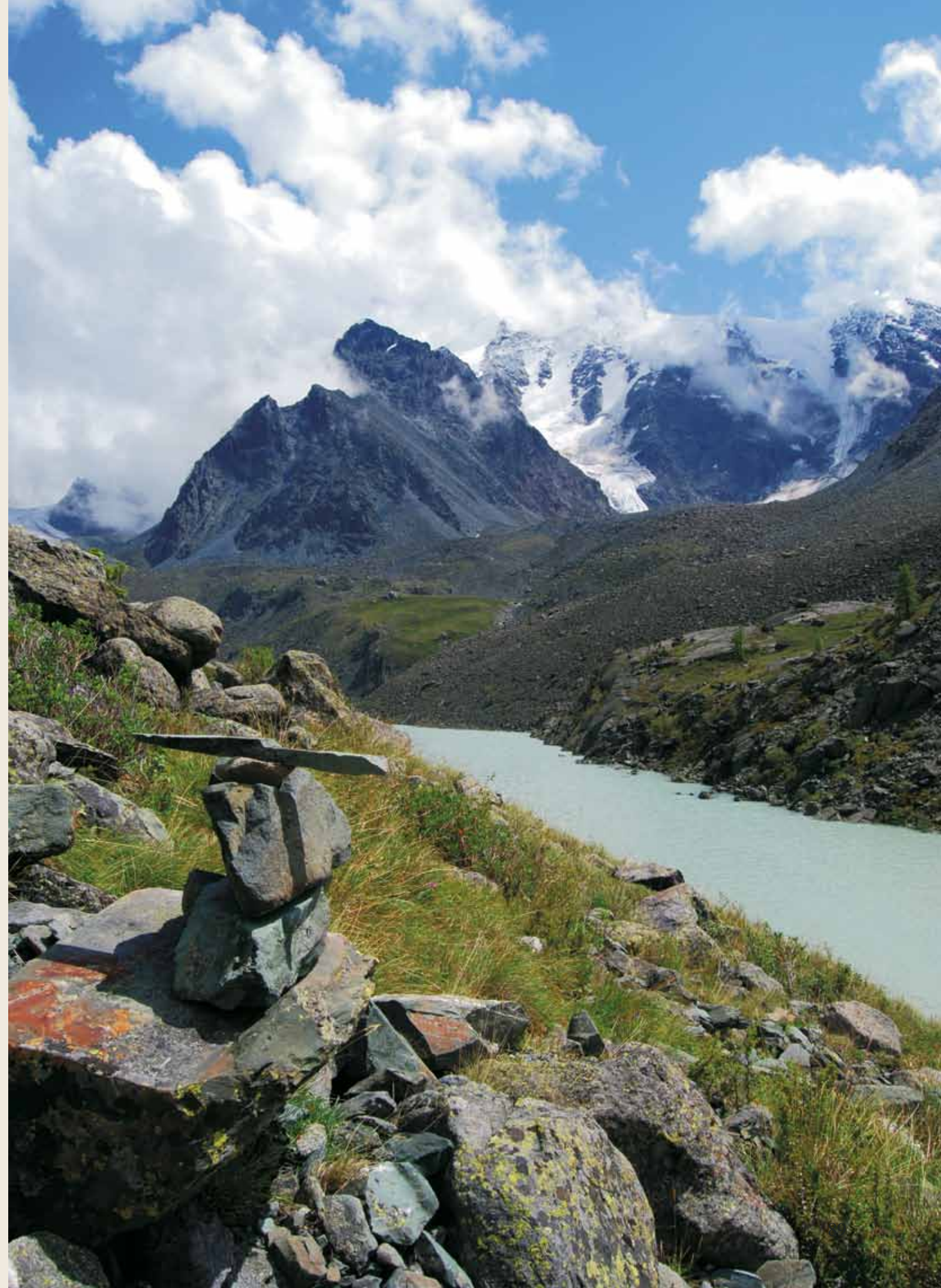
Именно этот момент, с одной стороны, мог внести путаницу в определение того места, где бывал Рерих, с другой – значительно расширить список тех мест, где предположительно могли бывать участники Центрально-Азиатской экспедиции. Может, поэтому до сих пор вопрос остается открытым?

Перед нами раскинулись алтайские просторы – многоплановость и бесконечность пространства, как на полотнах художника. Вот они, необычные световые пятна на склонах, круглая радуга вдалеке, зыбкость и легкость очертаний гор. Спустились с очередного перевала и попали в высокоотравье. Сразу вспомнилась картина Николая Рериха, на которой видны только головы едущих среди высокой травы всадников.

«А когда перешли Эдигол, расстилалась перед нами ширь Алтая. Зацвела всеми красками зеленых и синих переливов. Забелела дальними снегами. Стояла трава и цветы в рост всадника. И даже коней здесь не найдешь. Такого травного убора нигде не видели»¹, – писал Николай Рерих в своих дневниках.

Нас, сидящих верхом на конях, полностью спрятали мощные заросли кукольника, аконита, маральего корня. Мощный аромат цветов буквально оглушил. Казалось, что он заполнял нас

¹ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи: Путевой дневник / Предисл. К. Брэйдона. Рига: Виеда, 1992. С. 280.

изнутри, словно выгоняя остатки запахов цивилизации. Природа говорила: «Стань, как я, такой же ароматной, душистой, подвижной...» Не выдержав такого ее натиска, на одном из склонов мы буквально рухнули в эту роскошь, предоставив коням возможность немного перекусить. У них подход к этой красоте утилитарный: ухватить по дороге чего-нибудь вкусенького.

Впереди высится Большереченский перевал. Преодолеваем его двухкилометровую высоту, и через час пути перед нами открывается озеро Тальмень. Широкое, просторное, величественно-спокойное, оно приветствует нас бирюзовой гладью с отражениями силуэтов окрестных гор.

Огибаем озеро с западной стороны и постепенно поднимаемся на плато. Взору открывается невиданное зрелище – лилово-сиреневые склоны гор. Это не световой эффект, тут опять постаралась богиня Флора, придав горам такую окраску зарослями иван-чая. Забирается это растение в горы довольно высоко. Часто его можно встретить среди камней наравне с горным маком. Но гигантских размеров – выше человеческого роста – оно предстало перед нами в долине реки Капчал. Заросли иван-чая, карликовой березы и ивы на россыпях курума сильно затрудняли наше передвижение, особенно когда едва заметная тропинка окончательно пропадала.

Мы уже едем с южной стороны Катунского хребта. Непрístupны остроконечно-зубчатые вершины, прикрытые снежниками, с множеством мелких моренных озер, нанизанных, как жемчужины, на ниточки зарождающихся здесь рек. На склонах гор конденсируются облака, реки питают долины самым необходимым – водой. Суровый безжизненный камень дает начало многим и многим жизням. Осознание этого планетарного действия как-то по-особому заставляет биться сердце: на верхних частотах и в то же время – ровно, уверенно. Каждой клеточкой организма начинаешь понимать точность изречения В.И. Вернадского о «всюдности жизни». Ничто не замирает в Космосе. Все становится отправной точкой для чего-то нового, «точкой роста».

Вспоминаю наш первый поход на Алтай в 2006 году, посвященный 80-летию начала Центрально-Азиатской экспедиции. Тогда нас было 13 человек из пяти городов России. Мы закрепили памятные плиты на гребне пика Святослава Рериха; горная подкова, посвященная семье Рерих, встретила нас непрístupными ледовыми склонами. Привезенные из похода фотоснимки превратились потом в выставку «Вечный магнит Алтая», которая прошла по многим городам Кузбасса и донесла красоту и величие этой горной страны до многих людских сердец.

В следующем году нас было 43 человека из тринадцати городов России и Эстонии. И задачи теперь стали более масштабными: мы поднялись на пик Урусвати и пик Беликова.

Сейчас, в 2008-м, нас уже 92 человека из 25 городов и трех стран: России, Эстонии и Украины. Возраст участников от восьми до шестидесяти лет. Мы максимально повторяем путь экспедиции Николая Рериха по Алтайской земле. Семь групп одновременно работают на четырех маршрутах.

Первый маршрут проходил непосредственно по Уймонской долине. Второй, самый сложный, – через Холодные белки. Третий – для новичков – вверх по реке Кучерле до Кучерлинского озера, затем через перевал Каратюрк на Аккемское озеро. Четвертый маршрут также лежал до Кучерлинского озера, затем на озеро Зеленое и через перевал Рига-Турист на Аккем. Участники второго и четвертого маршрутов предприняли восхождение на безымянный пик, который предполагается назвать в честь Международного Центра Рерихов. «Названные направления красиво дополнили художественный маршрут В.А. Козара (г. Киев) и А. Серова (г. Юрга, Кемеровская обл.), а также исследовательско-познавательный, который прошла группа из Киргизии. Присутствие художников в составе экспедиции приблизило ее к синтезу, которым были наполнены научно-художественные экспедиции Рерихов и путешествие Л.В. Шапошниковой, давшее миру образы культуры Азии в искусстве фотографии. Посещение алтайской деревни Мендур-Соккон участниками экспедиционной программы из Киргизии внесло в экспедицию элемент историко-этнографический и неожиданно раскрыло живую память о Рерихах у человека, не встречавшегося с ними лично»².

Уже после экспедиции спрашивала товарищей, какие книги брали с собой, и в ответ услышала весь спектр названий книг Живой Этики. Географически мы были отделены многими десятками километров, но незримо соединены общим информационным полем, общими устремлениями и надеждами. Участница экспедиции Л.Г. Пукалова говорит: «Наша молодежь просто чудо! На стоянках у костра читали “Надземное”, обсуждали параграфы Учения. Говорили о Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха. Радовались, что побывали в музеях Алтая, увидели картины Н.К. Рериха и Г. Чорос-Гуркина, любовались и восхищались тибетским искусством. Все эти события способствовали созданию удивительной атмосферы в отряде – любви и признательности к Высшему, любви и благожелательности друг к другу. Эта энергия хранила нас».

Наступил долгожданный момент: Белуха величественно раскрыла свои вершины. Много раз приходилось видеть Аккемскую стену, поневоле замерла в ожидании: какая она, Гора Белая, с другой стороны? Мощные ледопады ледника Геблера, обилие снега, водоворот туч над вершиной – все говорит о непрístupности Великой горы. Останавливаем коней, чтобы полюбоваться развернувшейся панорамой, настроить свой ритм на дыхании Белого исполина, мысленно прося защиты и покровительства в реализации наших планов.

Завершилась первая, конная часть нашего маршрута. Далее предстоит пройти перевал Восточный Капчальский, дойти до Кучерлинского озера и подняться вверх к Зеленому и Голубому озерам. Это очень интересное место Катунского хребта. Слева возвышается красивый белоснежный пик Учителя, справа скальным полукругом лежит горная подкова с именами Рерихов, а прямо – перевал Славутич и безымянная вершина, на которую будет совершено восхождение.

Международная программа

Мысль о восхождении на эту вершину возникла в экспедиции 2007 года, когда мы поднялись на перевал Славутич и увидели Белуху на кратчайшем расстоянии. Кто первым озвучил идею назвать ее в честь Международного Центра Рерихов, сейчас трудно сказать, но все двенадцать участников экспедиции вдохновенно поддержали ее. Вершина «располагалась как раз в самом центре между пиком Учителя и перевалом Урусвати. Ее форма чем-то напоминала Мадонну на известной картине Н.К. Рериха “Мадонна Покровительница”, укрывшую своим широким плащом памятники культуры. Подумалось, как точно это перекликается с ролью Международного Центра-Музея имени Н.К. Рериха как стража и главного хранителя имени и наследия Рерихов. В форме горы чувствовалась основательность, надежность и цельность, свойственная музею; довершала образ горы впадина по центру, напоминающая чашу, наполненную до краев белоснежной Благодатью»³.

Не секрет, что Алтай давно уже исхожен как учеными, так и многочисленными группами туристов. Многие вершины уже имеют названия, поэтому необходимо было выяснить, имеет ли официальное название эта вершина. По возвращении домой сделала необходимый запрос в Службу геодезии и картографии и получила обнадеживающий ответ: по официальным данным, вершина пока безымянна.

Участники экспедиционной программы. Краеведческий музей, г. Горно-Алтайск

² Путь Центрально-Азиатской экспедиции академика Николая Рериха: Алтай // Содружество. № 25–27.

³ Там же.

Это стало очередной «точкой роста», тем событием, которое привело к созданию Международной программы «Путями Центрально-Азиатской экспедиции академика Николая Рериха: Алтай». Наша идея была поддержана Международным Советом Рериховских организаций имени С.Н. Рериха и Международным сообществом рериховских организаций. К ней присоединились Анжеро-Судженский филиал Кемеровского государственного университета, Музей детского изобразительного искусства Сибири и Дальнего Востока, региональная общественная организация «Кемеровский детско-юношеский экологический парламент».

Подготовка столь масштабного проекта заняла практически год. Мощная духовно-культурная акция была призвана продолжить нить преемственности Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха и последовавшей за ней экспедиции, осуществленной генеральным директором Международного Центра-Музея имени Н.К. Рериха, академиком РАЕН и РАКЦ Л.В. Шапошниковой. Торжественное открытие программы состоялось 7 июля

Перевал Каратюрк. Вид на гору Белуха

в Международном Центре Рерихов. Для участников экспедиции прозвучали слова М.Л. Попович: «От всей души приветствую всех тех, кто идет, кто помогает, кто дарит любовь свою, и всех, кто остается здесь».

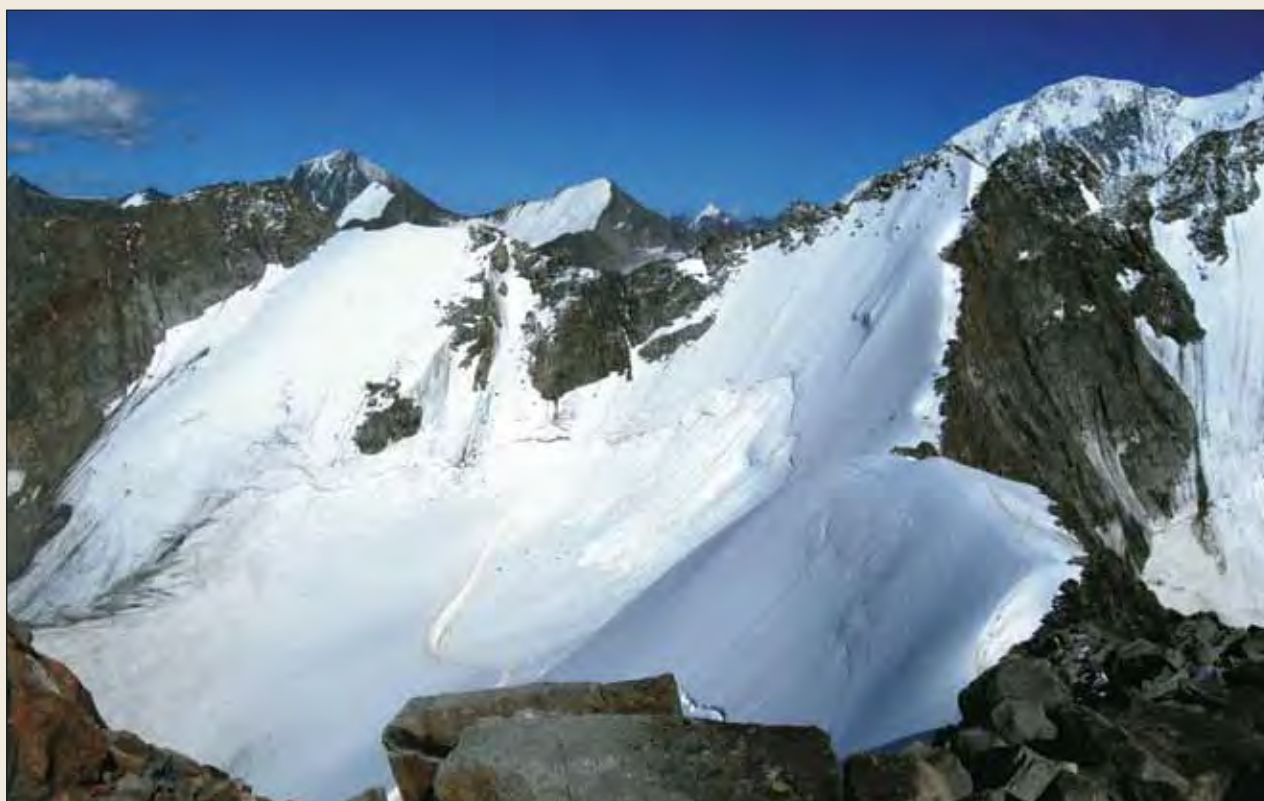
Непосредственный старт программе был дан в городе Анжеро-Судженске, небольшом шахтерском городке на севере Кузбасса. Творческую встречу участников экспедиции с администрацией, СМИ и депутатами городского Совета народных де-

путатов предварила презентация выставки картин юргинского художника Александра Серова «Путь к вершинам». Яркими красками зрителей радовали горы Алтая, символические картины, исторические места Италии. Открылась встреча приветствиями О.А. Уроженко, председателя Международного Совета Рериховских организаций имени С.Н. Рериха, К.А. Молчановой, председателя Эстонского общества Рериха, Л. Андроновой, первовосходителя на пик Урусвати.

Прекрасную слайд-программу о МЦР провел руководитель Ярославского рериховского об-

щества Сергей Скородумов. Собравшимся были представлены памятная табличка, капсула с землей с мест кремации Николая и Елены Рерих (Индия), капсула с землей с места рождения Преподобного Сергия Радонежского (пос. Варницы Ярославской области) и Обращением в будущее, а также Знамя Мира, полученное руководителем экспедиции в МЦР, – все это необходимо было поднять на безымянный горный пик. Завершилась встреча подписанием участниками экспедиции Обращения в защиту Международного Центра-Музея имени Н.К. Рериха.

◀ *Путь на Зеленое озеро*

Вершина, на которую было совершено восхождение юбилейной экспедиции

Восхождение

И вот безымянный пик перед нами. Забегая вперед, скажу, что с северной стороны он имеет снежно-ледовый склон, только вершина остается скалистой, с южной – смотрится неприступной, почти вертикальной скалой, а если посмотреть сверху, похож на s-образную спираль.

Двадцать седьмого июля с северной стороны на него поднимается группа из пяти человек под руководством Юрия Мирошникова. В составе группы Юрий Кирвес, Владимир Владимиров, Владимир Шуванников и Андрей Васильев. Они предварительно работали на склоне, навешивали перила через бергшруд⁴. Поэтому сегодня рано утром отправились по уже проторенному маршруту. Обычная работа с попеременной страховкой на леднике и снеге, и группа поднимается на снежный гребень, от которого рукой подать до вершины.

Рассказывает В.А. Владимиров: «Ближе к верхней части перевала снежный покров оказался небольшим. Под покровом снега был лед, по которому трудно и опасно было идти. Частично обогнув эти опасные места, мы, наконец, взойшли на перевал Дивногорцев. Высота перевала 3420 м. С перевала по снежному и скалистому гребню ста-

ли восходить на главную вершину. Ниже вершины находится маленькое зеленовато-синее озерцо. Около озера снег кончается, и дальше идут голые скалы. Оставив «кошки», мы продолжили восхождение. В 15.30 были уже на самой высшей точке безымянной вершины. Хотя теперь ее можно называть – пик МЦР. С этой вершины открывается живописная панорама с множеством долин».

Нагромождение каменных плит обозначает высшую точку горы, куда направляется группа. Теперь еще одно, достаточно сложное дело – прикрепить памятную табличку в честь Международного Центра Рерихов с западной стороны вершины к прочному граниту. В туре⁵ оставили капсулу с землей с места кремации Николая и Елены Рерих.

На следующий день группе под руководством Ирины Мершиной в составе Александра Лобачевского, Сергея Скородумова и Евгении Ореховской предстояло поднять на пик Знамя Мира и памятные ленточки, приготовленные для всех участников экспедиции. Перед восхождением открыли книгу «Зов» и читали напутствие: «...Итак, Я принял и страх, и сомнение, и гнев, – это Мне. А вам путь к свету. Ибо Хочу, чтобы могли подойти ко Мне радостными и светлыми в день Великого мрака перед Восходом»⁶.

Путь подъема был выбран другой. Сначала группа поднялась на снежно-ледовый перевал Токмак, преодолела трещины, участки открытого льда, затем вышла на скалистый южный склон. Траверс⁷ склона, небольшой прижим, резкий подъем вверх, и мы вышли на интересный участок – с едва заметными скальными полками, по которым и поднялись вверх. Справа от нас снежной громадой возвышались Корона Катуня и сама Белуха, слева – остроконечный пик Учителя.

Из рассказа участницы восхождения Е.В. Ореховской: «Когда ты на одном уровне с далекими вершинами, возникает ощущение, будто паришь высоко в небе. Любое облако может зайти к тебе в гости, оставив подарок в виде дождя, града или мокрого снега. Чувствуешь себя на одном «географическом» уровне с богами. Но это не делает тебя неуязвимым».

Поднимаем Знамя Мира, складываем тур для капсулы с Обращением в будущее и землей с места рождения Преподобного Сергия Радонежского, оставляем памятную ленточку и спешим вниз, потому что на нас надвигается небесный «подарок» в виде грозы. Вслед за первыми градинами начинается дождь, камни быстро намокают, становятся скользкими и опасными. На спуске с перевала нас покрывает ливень. Промокшие до нитки, спускаемся по леднику, идем по моренам в предвкушении приюта – нашей палатки, сиротливо ожидающей нас на берегу Голубого озера.

Дело сделано: восхождение на безымянный пик в честь МЦР состоялось с северной и южной сторон, памятная табличка прикреплена, Знамя Мира поднято. Главное, что выполнено все это представителями рериховских организаций разных городов. Конечно, восходители достойны

⁷ Траверс – передвижение по склону в горизонтальном направлении с плавным подъемом или спуском.

Восхождение в честь МЦР с северной стороны ▶

⁴ Бергшруд – место отрыва ледника от склона горы. Представляет собой трещину различной глубины и протяженности.

⁵ Тур – сложенная из камней пирамидка для обозначения вершин, перевалов, троп.

⁶ Листы сада Мории. Кн. 1. Зов. М.: МЦР, 2003. С. 297.

Памятная табличка на вершине

самого высокого уважения, но особая благодарность всем тем членам экспедиции, кто своим незримым участием – добрыми мыслями, молитвами – также были на этой вершине.

«Восхождение на безымянный пик было нашей поддержкой Международному Центру Рерихов. Мы думали о защите Центра и о том, что справедливость восторжествует, и МЦР обязательно устоит во всех бурях. Это придавало силы. И как радостно, что теперь на географических картах обязательно появится пик МЦР!» – говорит С.В. Скородумов.

После краткого ночного отдыха идем через перевал Рига-Турист на Аккемское озеро и принимаем решение завтра нанять коней, чтобы быстрее добраться до Тюнгура. Два часа – и мы на перевале Каратюрк. Солнце палит нещадно, вершинное плато кажется почти безжизненным, но мы спорым шагом отмериваем пятьдесят километров до места сбора.

Итоги

Все группы почти в полном составе ожидают в Тюнгуре «переброски» в Усть-Коксу. Первые счастливики уже пьют чай в гостях у Леонида Калошина. Мы вместе, целые и невредимые, выполнившие все намеченное, закаленные трудностями походной жизни, еще более сплоченные, почти родные. Впечатления захлестывают, люди говорят сами, слушают рассказы других и радуются, радуются...

Постепенно находит транспорт. Последней перехожу по навесному мосту через Катунь. Все. Можно подводить итоги. Можно перевести дыхание. Уже под покровом ночи забираем группу, которая работала в долине, проезжаем блокпост и затихаем под мерный шелест дороги. Дорожные виражи автобуса не дают забыть сном. События последних двух недель прокручиваются, как в кинофильме, ярко высвечиваются отдельные фрагменты.

Вот начало нашего пути. В культурно-познавательный проект «Магниты культуры Алтая» программы были включены города, памятники истории и культуры, которые в свое время посетили Рерихи. Первый пункт нашего маршрута – Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая в Барнауле. На двери музея памятная мемориальная доска в честь пребывания в этом городе Н.К. Рериха.

В небольшом зале – личные вещи семьи Рерихов, эскизы картин. Заместитель директора музея окликает нас радушный прием, как подарок – предложение посетить закрытый в это время для экскурсий зал с буддийской мандалой здоровья. Готовы к сотрудничеству, знают журнал «Культура и время», благодарят за книги по защите имени и наследия Рерихов, за региональные издания краеведческих исследований. Радостно видеть, какой заботой окружено имя Рерихов, как открыты и доброжелательны музейные работники. Как истинный остров культуры и искусства на Алтае, музей пользуется популярностью у горожан. Люди идут сюда непрерывным потоком.

В Бийске Рерихи задержались на несколько дней. Жили в лучшей тогда гостинице «Деловой двор». Сейчас в ее здании размещены магазины, но большую его часть занимает Управление образования города. Бийская общественная организация «Беловодье» установила на этом здании мемо-

риальную плиту в честь Н.К. Рериха. Проводим торжественную встречу возле этого памятного места и возлагаем корзину цветов. Радует присутствие местного телевидения, представителей администрации города, сотрудников Городского краеведческого музея. Замечательно, что имя Рериха прочно вошло в культурное пространство Бийска!

К вечеру приезжаем в Краеведческий музей Горно-Алтайска. Интересная этнографическая и историческая экспозиция. Всех впечатляют подлинные работы алтайского художника Чороса-Гуркина, особенно «Хан-Алтай». Вот только зал, посвященный Рерихам, выглядит на их фоне бледно. Может, причина в том, что участники Центрально-Азиатской экспедиции не заезжали в Горно-Алтайск, а выбрали другой маршрут. С другой стороны, в любом рекламном проспекте достопримечательностей Республики Алтай имя Н.К. Рериха стоит одним из первых, оно – словно визитная карточка Алтая наряду с Пазырыкскими курганами и древними рунами. Оставляем в дар музею максимально возможное количество книг, буклетов, посвященных творчеству Рерихов и деятельности МЦР.

Заканчивается наш проект посещением музеев села Верх-Уймон. Музей старообрядчества – просто сказка благодаря его создателю и директору Р.П. Кучугановой. «Если для Рерихов фокусом «человеческого фактора» в Уймонской долине был

В. Атаманов, то в настоящее время эстафету приняла Раиса Павловна, эта подвижница Культуры. Природный ум, немногословие, простота и удивительная любовь ко всему Уймонскому краю отличают ее. Заговоры, старинные рецепты, пословицы, поговорки, народные приметы – весь арсенал фольклора звучит в ее речи. Односельчане приносят в музей редкие экспонаты и доверяют Раисе Павловне их сохранить; в собрание музея входит и *опечек*, расписанный знаменитой мастерицей бабушкой Агашевой⁸. В музее по-домашнему тепло, обстоятельно. Окунаешься в особый мир людей, сильных духом, – староверов. Перед самой границей с Республикой Алтай есть небольшая деревня с интересным названием «Долина свободы». В нем – весь русский человек, превыше всего всегда ценивший свободу своей страны, своей совести, своего выбора. Поэтому и уходил он в эти глухие края от реформ патриарха Никона, не боясь сурового сибирского климата. Выживал, процветал и становился опорой государству Российскому.

На Алтае Рерихи исследовали условия для дальнейшего эволюционного развития планеты: «Алтай является не только жемчужиной Сибири, но и жемчужиной Азии. Великое будущее предназначено этому замечательному средоточию. Долина между Уймоном и Катандой будет местом большого центра»⁹. Они обозначили уникаль-

⁸ Путь Центрально-Азиатской экспедиции академика Николая Рериха: Алтай // Содружество. № 25–27.
⁹ Цесюевич Л. Рерих и Алтай // Перед Восходом. 1995. № 5. С. 5.

Восхождение на вершину с южной стороны

Вид на Белуху с Аккемского озера

ность Алтая для всей планеты, что впоследствии пробудило огромный интерес к этому региону.

Все намеченные экспедицией задачи были блестяще выполнены. В ходе ее были проведены исследования по различным отраслям знания: истории, археологии, этнографии, истории философии, искусств и религий, географии и др.; отмечены на карте неизвестные ранее вершины и перевалы; найдены редчайшие манускрипты; собраны богатейшие лингвистические материалы; особое внимание было уделено проблеме исторического единства культур. Пребывание экспедиции на Алтае в 1926 году стало вехой в научном изучении региона и оказало влияние на его дальнейшее культурное развитие. Итогом экспедиции явилось основание в Индии уникального научного учреждения – комплексного Института Гималайских исследований «Урусвати». Актуальность открытий Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха со временем возрастает, она имеет огромное эволю-

ционное значение. Объединив своим маршрутом обширные пространства, экспедиция обозначила поле будущего культурного строительства.

Мы же, совершив свое восхождение, преодолев все трудности походной жизни, теперь тоже прочувствовали в некотором приближении трудности Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха и можем преклониться перед мужеством ее участников в Служении на благо человечества. Алтайская экспедиция помогла нам ощутить и грандиозность, и сложность маршрута, по которому прошли Рерихи. Позже пришло осознание того, что наше путешествие – это давняя в итоге много радостных открытий попытка повторить в миниатюре, на небольшом отрезке пути экспедицию Николая Рериха.

«Наконец, можно окончательно оставить всю кашмирскую грязь и ложь. Можно забыть полуразрушенный Шринагар. Можно отвернуться от покудных чиновников Кашмира. Можно забыть

нападение вооруженных бандитов на наш караван с целью задержать его. Пришлось шесть часов пробыть с поднятым револьвером»¹⁰, – пишет в своих дневниках Н.К. Рерих. Восемьдесят лет прошло, но рост сознания людей – процесс медленный. Вот и нас задерживают на четыре часа на таможне, потом долго терзают в комендатуре у пограничников. Подходит сотрудник ФСБ и практически производит допрос. Откуда такой страх у чиновников, когда все договорено заранее, нужные списки высланы, администрация района предупреждена? Автобусы задерживают и не пускают до Тюнгур.

Но все равно на следующий день мы выходим на запланированные маршруты. А одна группа остается в долине и оказывает волонтерскую помощь Народной библиотеке имени Е.И. Рерих в Усть-Коксе, встречается с местными художниками, поэтами, музыкантами. Намечаются планы дальнейшего сотрудничества, идет работа на будущее.

«Мы соприкоснулись с Центрально-Азиатской экспедицией. До этого мы просто читали о ней. Теперь же казалось, что некоторые сюжеты этой грандиозной экспедиции вошли в нашу жизнь, и мы стали их участниками.

Мы восхитились красотой гор, узнали, что значит впервые сесть на коня и скакать на нем по крутым горным тропам. Познакомились с самодурством чиновников, убедились, что в географических картах могут быть неточности.

В экспедиции было немало трудных моментов. Но больше всего запомнились красота Алтая и красота человеческих отношений. Путь к этой красоте – нелегко. Он проходит через преодоление трудностей и препятствий.

Горы – словно каменные ступени в небо. Поднимаясь по ним, человек совершает два восхождения – вовне и внутрь себя самого.

Во время экспедиции по Алтаю постоянно возникало ощущение, что мы находимся в океане Соляриса. Здесь все живое – и камни, и цветы, и вода, и ветер – и все составляет единое целое. Самое главное – нужно было вписаться в этот океан и жить по законам Соляриса. И тогда даже камни под ногами начинали помогать тебе в нелегком пути», – делится своими впечатлениями С.В. Скородумов.

Мы шли маршрутом Мастера, мы возносили Мастеру нашу благодарность, и самое большое, о чем мечтали, – достойно продолжить его дело. Чтобы не произошло «оземления» великих идей, чтобы заложенные магниты мощно работали в пространстве, привлекая к себе готовые к восприятию сознания.

Мемориальная плита в честь пребывания экспедиции Н.К. Рериха в Бийске

Напоследок раздаем участникам экспедиции памятные ленточки, которые побывали на пока еще безымянном пике. Смотрю на Знамя Мира, которое полтора месяца назад было торжественно вручено нам в Международном Центре Рерихов. Оно прошло с нами Кузбасс, Алтайский край, Республику Алтай и прибыло в Верх-Уймон. С этим Знаменем мы прошли Холодные белки, три категорийных перевала, поднялись на вершину, а затем спустились вниз по Кучерле.

Экспедиция уже стала достоянием истории, но не покидает чувство, что это очередная «точка роста», или точка опоры для будущих дел и свершений.

¹⁰ Рерих Н.К. Алтай – Гималаи: Путевой дневник / Предисл. К. Брэгдона. Рига: Виеда, 1992. С. 110.